Марк Мацкевич

Лавка потерянных писем

18+

Марк Мацкевич

Лавка потерянных писем

«Автор»
2026

Мацкевич М.

Лавка потерянных писем / М. Мацкевич — «Автор», 2026

Тётя оставила мне наследство. В другом мире. С протекающей крышей и сотней писем, которые годами ждут своих адресатов!Старую бумагу я спасать умею. А вот как спасти лавку, которую вот-вот опечатают, понятия не имею.Опечатывать пришёл инспектор Марк Рейн. Он же подсказал, как получить сорок дней, чтобы вернуть лавку к жизни. Теперь мы вместе разбираем архив, спорим о правилах и пьём чай среди чужих писем. А я всё чаще вздрагиваю от колокольчика над дверью: вдруг это снова он?Только в старых отправлениях обнаруживаются следы подмены. У Марка есть личная причина докопаться до правды. А у меня слишком много того, что страшно потерятьОднотомник. Уютное бытовое фэнтези, неспешная любовь и тёплый финал.

© Мацкевич М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первое утро 6
Глава 2. На своих условиях 12
Глава 3. Пока письмо идёт 19
Глава 4. До первого ноября 25
Глава 5. В руки 32
Глава 6. Пока горит печь 40
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Марк Мацкевич
Лавка потерянных писем

Лавка потерянных писем
Марк Мацкевич

Глава 1. Первое утро

На конверт капало с потолка.

Я успела подставить сковородку, когда третья капля уже собралась на конце балки. Она упала с таким звуком, будто кто-то бросил в пустую лавку монету.

Вчера нотариус перечислил мне имущество: жилые комнаты, торговое помещение, подсобку, хранилище, оборудование. Крыша в перечне тоже была. О её взглядах на дождь он умолчал.

Проездная карточка Агаты вчера открыла мне дверь в Лирен прямо из моей квартиры. Я до сих пор носила её с собой, даже поднимаясь наверх за сухой тряпкой.

Я отнесла сковородку чуть в сторону, под следующую мокрую точку, и осторожно потянула ящик на себя. Верхний конверт прилип к деревянной стенке. Если дёрнуть, адрес останется на дереве, а остальное — у меня в руках.

У двери звякнул колокольчик.

— Открыто! — крикнула я, хотя это ещё предстояло выяснить.

Вошедший закрыл дверь, но к прилавку не подошёл. Я видела только его сапоги: тёмные, без дорожной грязи, носки направлены прямо на меня. Сама я стояла на коленях между ящиком и миской, которую успела принести раньше сковородки. Для новой хозяйки вид, наверное, не лучший.

— Надежда Ветрова? — спросил вошедший.

— Да. Только минуту, — отозвалась я.

— Вам следует отойти от шкафа.

— Сейчас отойду.

Я подложила под мокрый край лист тонкой бумаги и попробовала отделить угол. Не шёл. На обороте конверта расплылось небольшое синее пятно, а рядом лежала почти сухая хлопчатая лента. Я развернула её и промокнула дерево.

Сапоги приблизились.

— Положите отправление обратно.

Я наконец посмотрела вверх.

Мужчина был без шляпы. С дождём его, судя по всему, примиряло тёмное пальто с высоким воротником. На плече поблёскивала узкая металлическая пластинка; такую же я вчера видела у человека, который проверял фонари на площади.

В руке мужчина держал плоский кожаный футляр.

— Если положу обратно, оно приклеится окончательно, — возразила я.

— Вы знаете, что находится внутри?

— Нет.

— Тогда почему решили, что его можно трогать?

Я прижала ленту к конверту, не касаясь адреса.

— Потому что оно мокрое.

С потолка упала капля. Мимо сковородки.

Мужчина посмотрел на неё, потом на ящик. Пришлось признать: он умел молчать так, что хотелось немедленно рассказать всё. Включая стоимость моей последней стоматологической пломбы.

Я отвернулась к шкафу.

— Если у вас есть основания меня арестовать, подождите, пока я сниму это с дерева.

— Таких оснований нет.

— Уже неплохо.

Он снял пальто. Под ним оказался обычный серый жилет, немного помятый у пояса. Я заметила это с неожиданным облегчением: в жилете он больше походил на человека, которому тоже приходится по утрам искать носки.

Пальто он повесил на спинку стула, поставил футляр на прилавок и присел напротив меня.

— Покажите, за что держите.

— За ленту. Сам конверт не тяну.

Он наклонился. На левой щеке, совсем близко к уху, у него белела короткая царапина. Свежая, дня на два.

— Поднимите ящик на ширину пальца. Медленно.

— Это что-нибудь запустит?

— Может. Поэтому медленно.

Я подняла.

Мужчина подложил под ящик две сложенные карточки из кармана жилета. Вода стекла к другому краю. Через несколько секунд бумага отпустила дерево.

— Теперь поддержите снизу.

Конверт лёг на лист целиком. Я выдохнула, ещё не разогнувшись.

Под синим пятном проступала петля буквы. Остальной адрес сохранился: «Миле Таррен. Ивовая улица, дом…» Номер был как раз там, где стояла вода.

— Вот, — сказала я. — Живой.

Мужчина посмотрел на меня.

— Это не установлено.

Я чуть не рассмеялась, но он говорил совершенно серьёзно.

— В моём смысле — бумага не расползлась, — пояснила я.

— В таком случае да.

Мы осторожно перенесли лист на прилавок. Я освободила сухой участок, сдвинув счёты, две катушки шпагата и чайную чашку с засохшей коричневой полоской на дне. Чашка была Агаты. Сама я со вчерашнего дня так и не попила чаю.

Мужчина раскрыл футляр.

— Марк Рейн. Инспекция почтовых узлов.

Он положил передо мной удостоверение, дал прочитать и убрал обратно. Потом достал бланк.

— Я пришёл составить акт и опечатать хранилище.

Я убрала руку с края конверта.

За прилавком ещё пахло старым деревом. Вчера, когда нотариус ушёл, я нашла там ящик с разделителями для квитанций и представила, как разложу по ним собственные заказы. Простая, нелепая мысль, от которой мне впервые за долгое время стало хорошо. Мои заказы. Мой стол. Можно оставить инструменты вечером и утром найти их там же.

Я прожила с этой мыслью одну ночь.

— Нотариус сказал, что лавка принадлежит мне, — сказала я.

— Помещение и оборудование. Разрешение работать с узлом по наследству не переходит.

— А это он тоже сказал. После списка имущества.

Марк развернул бланк так, чтобы я видела верхние строки.

— Здесь нет работающего защитного контура. Ящик с невручёнными отправлениями стоит под протечкой. Вход в хранилище не заперт.

— Я искала, куда течёт.

— Когда вы вошли, дверь уже была открыта?

Я вспомнила крючок, висевший сбоку от косяка.

— Да.

Он сделал короткую запись.

— Значит, это состояние помещения при приёмке. Не ваше нарушение.

Я посмотрела на строчку. Мне почему-то было важно, что он разделил одно и другое.

— Если вы всё опечатаете, крыша продолжит течь.

— Доступ для ремонта предусмотрен, — ответил Марк.

— А письма будут ждать под водой?

— Их переместят в центральное хранилище.

— Сегодня? — спросила я.

Он не ответил сразу.

Я отодвинула от конверта чашку ещё на ладонь.

— Я работала с бумагой одиннадцать лет. Не с вашей, — добавила я, заметив его взгляд. — С обычной. С книгами, документами, письмами. Я не знаю, что у вас делает защитный контур. Но мокрый ящик не станет суше от печати на двери.

Марк закрыл чернильницу, которую только что достал.

— Что вам нужно?

Я уже открыла рот: «Ничего, я сама». Это выскочило бы привычно, даже если бы я стояла под падающим шкафом.

— Сухой стол. Материал, который хорошо забирает влагу. И чтобы кто-нибудь сказал, какие ящики здесь нельзя открывать.

Он оглядел прилавок.

— Стол есть в сортировочной. Листы — в нижнем отделении слева. Верхний шкаф не открывайте совсем. Красные ящики — тоже.

— Их опечатывают? — переспросила я.

— Они кусаются.

Я посмотрела на него. Он — на меня.

— Не шутка, — уточнил Марк.

— Я уже поняла, что у нас с вами сложные отношения с этим жанром.

На этот раз угол его рта всё-таки дрогнул.

Колокольчик звякнул снова. На пороге стояла женщина с завёрнутой в платок головой. Под мышкой она держала длинную коробку. Увидев жилет Марка и раскрытый футляр, она замедлилась.

— Я только хотела спросить про ключ от заднего двора. Мне нотариус велел…

— Вы Мила Таррен? — спросил Марк.

Женщина кивнула.

Я посмотрела на конверт. Размытый дом ещё можно было восстановить, но имя читалось ясно.

Мила поставила коробку на стул.

— Зачем?

Марк показал на письмо, не поднимая его.

— Здесь отправление на ваше имя. Вы согласны проверить адрес?

Мила подошла. Руки у неё были красные от холода; на указательном пальце оставался напёрсток. Она сняла его, стиснула в ладони и долго смотрела на синий штрих.

— От мамы?

— На обороте отправитель Ада Таррен, — сказал Марк.

Я ничего не видела у женщины на лице, кроме того, что она вдруг перестала мёрзнуть. До этого она мелко вздрагивала плечами. Теперь стояла неподвижно.

— Оно не вскрыто, — сказала я.

Мила посмотрела на меня так быстро, словно я застала её за чем-то.

— Я не спрашивала.

— Да. Простите, — сказала я.

Сковородка звякнула в глубине лавки.

— Я не буду, — сказала Мила.

Марк кивнул.

Я ждала продолжения. Что не будет? Брать, проверять, приходить ещё? Но женщина уже забирала коробку.

— Ключ я потом заберу.

Она вышла, придерживая дверь ногой. Колокольчик качнулся без звука: Мила накрыла его ладонью, пока закрывала.

— Ей можно передать письмо позже? — спросила я.

— Если согласится, — ответил Марк.

— А если не согласится?

— Будете хранить. Либо вернёте отправителю, когда это возможно.

Я посмотрела на мокрое пятно.

— Она даже не взяла его в руки.

— Это не обязательно.

— Почему тогда оно столько лет здесь лежит? — спросила я.

— Потому что она имеет право не брать его в руки и через столько лет.

Я не сразу ответила.

В моей мастерской письма обычно были старше всех, кто мог из-за них поссориться. Чужое горе давно успевало стать красивым почерком, датой, заказом на восстановление. Здесь женщина только что ушла под дождь, стиснув напёрсток.

Я хотела спросить, жива ли её мать, и остановилась.

Марк убрал бланк в сторону.

— В сортировочную?

— Да.

Я взялась за лист. Он поддержал противоположный край, и мы понесли письмо через узкую дверь. В проходе пришлось повернуться боком. Я задела плечом его жилет и почувствовала тепло — неожиданное после холодного прилавка и мокрого пола. Марк приподнял руку, чтобы я не стукнулась о низкую полку, и сразу опустил, когда мы прошли.

Стол в сортировочной оказался хорошим. Большой, с гладкой серой поверхностью. Я бы на такой копила полгода.

Мы положили лист.

— Есть порядок временной работы, — сказал Марк. — Проверка наследника. Но его назначаю не я.

Я выпрямилась.

— Что нужно сделать?

— Подать ходатайство комиссии. Опись, предварительный осмотр, перечень повреждений. До решения хранилище всё равно будет закрыто. С доступом для устранения протечки и спасения отправлений под надзором.

— Сколько дают на проверку? — уточнила я.

— Обычно сорок дней.

Я оглядела стеллажи. Некоторые ящики были завязаны шпагатом. На других белели маленькие карточки. У самого пола теснились коробки, подписанные ровным наклонным почерком Агаты. Между двумя стеллажами стояла стремянка с заботливо обмотанной тканью перекладиной.

Сорок дней было мало. Я ещё даже не знала, где здесь покупают хлеб.

— Покажете, как составить опись? — попросила я.

— Покажу образец.

Он снял с полки папку, смахнул пыль рукавом и раскрыл её на свободном краю стола. Я потянулась за карандашом, но Марк положил на страницу ладонь.

— Сначала посмотрите список обязанностей. Не подписывайте, пока не прочитаете.

Впервые за последние сутки меня никто не торопил.

Я придвинула стул и села читать.

В списке было семнадцать пунктов. К середине четвёртого я перестала замечать, как у меня мёрзнут ноги.

— Здесь написано «сохранность всех принятых отправлений», — сказала я. — Всех — это включая те, которые лежали до меня?

— После описи вы принимаете их на хранение, — ответил Марк. — Не ответственность за то, что случилось раньше. За то, что будет дальше.

Я перевернула страницу.

— А это про жилые комнаты?

Он подвинул к себе край папки, не вытаскивая её из-под моей руки.

— У дома общий защитный контур. Если узел признают опасным, могут закрыть всё здание до устранения нарушений.

Я подняла глаза.

— То есть наверху тоже нельзя будет жить?

— Пока не разрешат доступ, нельзя.

— А сейчас? — спросила я.

— Приёмная линия отключена. Отправления через дом пока не идут. После полудня проверим оборудование. Если найдём опасное повреждение, жить здесь тоже не разрешат.

Вчера я несколько раз возвращалась в свою квартиру и снова входила в Лирен, проверяя, не исчезнет ли за спиной лестница.

Она не исчезала. Изменился только список того, что можно потерять.

— Не подписывайте сейчас, — сказал Марк. — Сходите к нотариусу. Узнайте про долг и условия продажи. До решения комиссии я внесу в акт доступ для спасения намокших отправлений под надзором. Пока я здесь, можно работать.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Вы всех так отговариваете?

— От чего?

— От собственного дела.

Он помолчал.

— От подписи, которую потом захотят забрать обратно.

Я вернулась к списку. Марк не заглядывал мне через плечо. Подтянул к столу другой стул и начал записывать состояние ящика. Время от времени задавал вопрос: где стояла миска, открывала ли я шкаф справа, был ли на полу шпагат. Я отвечала, и он возвращался к своему листу.

На мокром конверте темнела тонкая полоска клея. Я сменила подложку. Марк придержал край, прежде чем я успела попросить.

Я дочитала последний пункт.

— Скажите, а письма сами знают, куда идти?

Марк отложил перо.

— Отправитель задаёт путь. Узел его хранит.

— А если адрес испорчен?

— Тогда письмо остаётся здесь. Пока путь не восстановят.

— И если человек больше не хочет его получать — тоже?

Он кивнул.

Я посмотрела на имя Милы. В нашей мастерской за такой конверт заплатили бы за часы работы. Здесь можно было провести над ним неделю, исправить каждую складку — и всё равно оставить в ящике.

— Вы не сможете обещать клиенту, что письмо прочтут, — сказал Марк, будто продолжая мою мысль.

— Я и дома обещала только то, что могла сделать.

Он посмотрел на меня, потом на свою запись о ящике.

— Тогда с этого и начните.

Когда мы вышли из сортировочной, дождь стал тише. В сковородке плавала щепка, оторвавшаяся от балки. Марк достал чистую карточку и аккуратно сдвинул её к бортику. Я придержала сковородку, пока он выливал воду в миску.

Это было первое утро моего собственного дела: инспектор с чернильным пятном на пальце, мокрые колени и посуда, которую придётся отмывать перед ужином.

Перед уходом Марк закрыл застеклённую дверь в хранилище, запер замок и наклеил поперёк створки узкую ленту. Номер печати записал в акт.

— Сюда без меня не входите. Сортировочная остаётся открытой, письмо пусть досыхает на столе. Не вскрывайте и пока никуда не переносите.

Я кивнула.

Марк надел пальто и забрал с прилавка футляр. На сером жилете осталась пыль от старой папки.

— Я вернусь после полудня, — сказал он. — Для осмотра верхнего шкафа. До этого его не открывайте.

— И красные ящики тоже.

— Тоже.

Я дошла с ним до двери.

— Марк. Если я подам ходатайство, проверять будете вы?

Он остановился на пороге.

— Пока не назначат другого инспектора, да.

Я хотела попросить его не назначать другого. Странное желание после часа знакомства с человеком, который собирался опечатать моё хранилище.

— Хорошо, — сказала я.

Он застегнул верхнюю пуговицу пальто.

— Поешьте до моего возвращения. Дальше будет пыльно.

Когда дверь закрылась, я некоторое время смотрела на навес за стеклом. Потом сходила наверх за сухими носками.

В комнате стоял раскрытый чемодан. На стуле лежали джинсы, в которых я вчера пришла к нотариусу, а на подоконнике — проездная карточка с тиснёной дверью. Стоило взять её, спуститься вниз и пройти через пустую раму в задней комнате. Я успела бы к своему чайнику, к знакомой булочной, к сообщению бывшей начальницы: «Надь, ты не можешь посмотреть одну вещь? Очень надо».

Карточку я убрала в чемодан.

Вернувшись вниз, я нашла на посудной полке вторую чашку. Такие же сколы, как на первой, только ручка целая. Вымыла обе и поставила рядом сушиться.

Папка лежала там, где я её оставила. Я придвинула стул, нашла среди катушек Агаты простой карандаш и на отдельном листе записала три вопроса нотариусу. Про долг. Про дом. Про право временно закрыть лавку самой, если пойму, что не справляюсь.

Четвёртым пунктом добавила кровельщика.

Потом взяла бланк ходатайства. Вверху нужно было указать имя будущего хранителя.

Я написала своё.

Глава 2. На своих условиях

На улице я прежде всего постаралась запомнить собственную дверь.

Зелёная краска, медная ручка в форме свёрнутого листа, две ступеньки. Над окном — выцветшая вывеска Агаты. Справа торговали пуговицами, слева чинили обувь. Я постояла перед лавкой, проверяя, узнаю ли её, если посмотреть с другого конца улицы.

Вчера нотариус довёл меня до порога. Обратно я ещё не ходила.

Дождь закончился. По желобу над мостовой бежала вода, и на каждом стыке её подхватывали маленькие медные рыбки: приподнимали хвост, пропускали струю и снова замирали. Одна застряла с открытым ртом. Мальчишка в кожаном фартуке ткнул её палкой, получил брызги в лицо и выругался вполне понятно.

Я обрадовалась этому больше, чем следовало.

За углом пахло хлебом. В булочной я указала на круглый румяный каравай, а потом показала кошелёк Агаты, который вчера выдал нотариус под расписку.

— Четыре кроны, — сказала продавщица. — Разменяю, давайте.

Она взяла монету, отсчитала сдачу и отломила мне кусок от другого хлеба.

— Этот вчерашний. Пока идёте, поедите.

Я хотела отказаться, но желудок отозвался раньше меня.

Хлеб был с тмином. Я ела его на ходу, держа под мышкой каравай, а в другой руке — папку с вопросами. Между домами показалась башня, которую я запомнила вчера. До неё следовало дойти, потом повернуть к площади. Дальше — дверь с чёрным молотком и потёртым следом от множества ладоней.

У этой двери я остановилась и стряхнула крошки с пальто.

Нотариус принял меня не сразу. В передней мужчина с перевязанным запястьем доказывал женщине за конторкой, что подпись левой рукой должна считаться той же самой. На стене висели часы с неподвижными стрелками. Когда мужчина наконец ушёл, часы кашлянули и перескочили на семь минут вперёд.

— Они всегда так? — спросила я у женщины.

Та не подняла головы.

— Только если задерживают очередь.

За столом в кабинете нотариус был почти невидим: перед ним выросла стопка папок, которой вчера не было. Мои бумаги он достал снизу.

— Вы решили продать?

Я положила перед собой список.

— Я решила сначала понять, что у меня есть.

Он снял очки, протёр их и предложил сесть.

Вчера я слушала его как человек, которому сообщили о другой стране за дверью квартиры. Дом, долги, разрешения — всё это ложилось куда-то рядом с известием, что тётя Агата умерла и больше не ответит на мои сообщения. Я кивала. Когда он спрашивал, понятно ли, кивала ещё раз.

Сегодня я открыла блокнот.

— Сколько я должна?

— Наследственное обязательство — девять тысяч шестьсот крон. Кассе взаимного кредита. Остаток займа на оборудование и ремонт дома.

Я записала число. Оно заняло немного места.

— Когда нужно отдать?

— По четыреста в месяц, двадцать четыре платежа. Первый через двадцать девять дней. Это тридцатый день после принятия наследства. Начисления уже включены, при соблюдении графика больше не добавят.

— Если лавка не откроется?

— Платёж всё равно наступит.

Я провела под числом черту.

Нотариус подтянул второй лист.

— В кассе Агаты две тысячи четыреста крон. Отдельно от наличных на текущие расходы, которые вы вчера получили. Кассовой суммой можно распоряжаться после предъявления свидетельства. Других подтверждённых денежных остатков пока нет.

Шесть платежей. Я записала сумму рядом с долгом и обвела её, ещё не зная, сколько из неё возьмёт крыша.

— А если я передумаю работать с письмами? — спросила я. — Оставлю обычную мастерскую. Буду чинить книги.

— Можно. После передачи отправлений другому узлу и безопасного отключения оборудования. Расходы на передачу и отключение посчитают после описи. Сумму я сейчас вам не назову.

Я записала и это.

— То есть дом у меня не отберут за то, что я не стала почтмейстером?

— За это — нет. За нарушение долгового договора могут обратить взыскание в установленном порядке. Не на следующий день после пропущенного платежа, Надежда. Но надеяться, что долг исчезнет вместе с разрешением, нельзя.

Я закрыла колпачок ручки и тут же открыла снова.

— А продать можно не сразу? Через месяц, например?

— Можно. Покупателю придётся сообщить об обязательствах и состоянии узла.

— Пока не ищите покупателя, — сказала я.

Нотариус кивнул и закрыл лежавший перед ним журнал.

Он достал чистый лист, записал суммы и даты, дал прочитать. На этот раз я попросила копию договора и страницу с условиями досрочного погашения. Пока он их готовил, я посмотрела на свою четвёртую строчку.

— Вы не знаете кровельщика?

Нотариус впервые за разговор отложил перо без необходимости что-нибудь записывать.

— Брен. Во дворе за ателье Таррен. Если не окажется на месте, спросите у Милы.

— Она приходила за ключом.

— От общего двора. Агата оставляла запасной у себя.

Выходя, я задержалась у двери.

— Тётя собиралась всё это продать?

Нотариус посмотрел на папку.

— Такого поручения от неё не было.

Я подождала, но больше он ничего не добавил.

На площади стало людно. Женщина в синем пальто спорила с возчиком из-за ящика, из которого торчали зелёные листья. С крыши над ними спустилась узкая лесенка без человека. Возчик перестал спорить, придержал её и принял сверху пустую корзину.

Я отошла к стене, чтобы не мешать, и развернула нотариальную записку.

До первого платежа оставалось двадцать девять дней.

В мастерской, где я проработала одиннадцать лет, я знала, когда придут деньги. Иногда задерживали на три дня, однажды на неделю. Зато не нужно было решать, что важнее: крыша или право пользоваться столом под ней. Начальница решала сама, а я сердилась на неё и шла чинить очередной альбом.

Я сложила записку печатью внутрь. Печать ещё немного липла.

На обратном пути купила два яблока. На одном дрожала чистая капля воды; я стёрла её рукавом и откусила прямо у прилавка.

* * *

Дверь ателье оказалась приоткрыта. Внутри стрекотала машинка. Мила сидела за длинным столом, подавая под иглу полоску тёмной ткани. На шее у неё висела лента с делениями, у локтя стоял стакан с мутной водой и веточкой, на которой набухли почки.

Я остановилась на пороге.

— Добрый день. Можно?

Машинка сделала ещё три стежка и затихла.

Мила посмотрела сначала на меня, потом на папку у меня под мышкой.

— Я не за письмом, — сказала я. — Вы не забрали ключ.

Я положила его на свободный край стола. Латунный, с красной ниткой, он нашёлся на кухне у Агаты в чашке с надписью «двор».

Мила взяла ключ, проверила зубцы большим пальцем.

— Спасибо.

Я уже собралась выйти, но вспомнила, зачем ещё пришла.

— Мне нужен Брен. Нотариус сказал, вы знаете, где его найти.

— Крыша?

— Да.

Мила поднялась. На столе под её рукой осталась смётанная ткань, стянутая кривым швом. Она прикрыла её линейкой.

— Он у меня над двором желоб делает. Пойдёмте.

Про письмо она не спросила. Я тоже.

Брен стоял на лестнице и держал зубами гвоздь. Услышав про лавку Агаты, вынул его и спустился.

— Покажите, где течёт.

Через десять минут он уже осматривал потолок моей сортировочной. К хранилищу я подвела его только посмотреть через стекло запечатанной двери: показала, где стоял ящик и куда капало. Потом провела наверх, к слуховому окну. Брен выбрался на крышу, а я держала лестницу и старалась не смотреть на его сапоги, скользившие по мокрым плиткам.

Вернувшись, он вытер руки тряпкой.

— Шов разошёлся. И три плитки треснули. На холоде набрало воды, теперь пускает внутрь.

Я приготовилась записывать.

— Сделать можно?

— Можно. Восемнадцать сотен. Работа, плитка и новый отлив.

— Когда?

— Плитку привезут через пять дней. Если сухо будет, на следующий день закончу.

Из лавки донёсся одинокий звон сковородки.

Брен посмотрел вниз.

— До того закрою шов и положу накладку. Сегодня. Шестьсот сейчас, они войдут в общую цену. Остальные двенадцать сотен после постоянного ремонта.

Я записала оба числа.

— Накладка выдержит дождь?

— Обычный — выдержит. Если ветер начнёт поднимать край, зовите. Сама на крышу не лезьте. На плитку не вставайте, только на ходовые доски.

Мне понравилось, что он не обещал вечности.

— Дайте расчёт письменно. И что именно сегодня сделаете.

Он нашёл за ухом огрызок карандаша.

Пока Брен писал на обороте чистой квитанции, я спустилась в лавку и раскрыла блокнот. Восемнадцать сотен из двух тысяч четырёхсот. Ещё заявление: в папке Марка значился сбор в сто двадцать крон. Оставалось четыреста восемьдесят. Первый платёж — четыреста.

На всё прочее — восемьдесят.

Я посмотрела на каравай, лежавший на прилавке. Сдачи от него хватило бы ещё надолго. Если бы хлеб был единственным, что мне понадобится.

Брен спустился и положил расчёт рядом с блокнотом.

— Ну?

— Сегодня делаем накладку, — сказала я. — Полный ремонт я отдельно подтвержу, когда будет понятно с разрешением. До этого плитку на моё имя не заказывайте.

Он зачеркнул строчку о заказе и написал новую. Я прочла, поставила подпись.

— Деньги принесу из кассы. Здесь недалеко?

Брен объяснил дорогу. За ключом от входной двери я сходила наверх. Заодно проверила, на месте ли кошелёк и свидетельство о наследстве: оба с утра лежали во внутреннем кармане пальто.

Мила заглянула, когда я уже запирала дверь.

— Уходите?

— За деньгами. На полчаса. Он вернётся с материалом.

Мила посмотрела на расчёт в моей руке.

— Брен медленный. Но сделает.

Она чуть посторонилась, пропуская меня на ступеньки, и добавила:

— Агата тоже сначала с тазами жила.

Я обернулась.

— Здесь?

— Где же ещё. Думала, подлатает за одно лето.

Мила уже возвращалась к ателье. Она придержала дверь для женщины с корзиной белья, и я пошла в кассу, так и не спросив, сколько лет Агата собиралась закончить ремонт.

* * *

Марк вернулся, когда Брен ещё стучал над потолком.

Я узнала инспектора по паузе после колокольчика: дверь уже закрылась, а он ещё стоял у входа, осматривая лавку. В руках у меня была открытая банка с чаем. Вода в чайнике только начала шуметь.

— Поесть успели? — спросил Марк.

— Два раза. Второй был за обед и за страхование жизни кровельщика.

Сверху ударили особенно сильно.

Марк поднял голову.

— Доступ к хранилищу давали?

— Нет. Через верхнее окно. Там лестница на крышу. Хотите посмотреть расчёт?

— Хочу посмотреть, куда он отвёл воду.

Я поставила банку и повела Марка наверх. Брен спускался навстречу с мокрой тряпкой в руке. Они обменялись коротким приветствием. Выяснилось, что вода теперь пойдёт в боковой желоб, а сырой участок под накладкой нужно оставить проветриваться. Марк осмотрел стену у окна, потрогал древесину и записал, где она потемнела.

Я стояла рядом. Раньше при таких разговорах меня обычно отправляли за тряпкой.

— Запись про чердак мне тоже нужна, — сказала я. — Чтобы потом проверить, просох ли.

Марк повернул лист ко мне.

— Снимите размеры пятна. Вот отсюда до балки. Если увеличится, вызывайте Брена, даже если капель нет.

Я взяла карандаш.

Когда Брен закончил, мы подписали квитанцию на шестьсот крон. Я пересчитала сдачу, убрала её в кошелёк и сразу записала расход. На лестнице кровельщик остановился, проверил плечом перила и сказал, что нижнюю стойку тоже хорошо бы подтянуть.

— Но не сегодня, — добавил он, увидев моё лицо.

После его ухода в доме стало слышно, как кипит чайник.

Я спустилась первой, разложила хлеб на доске. Марк поставил футляр у прилавка и снял пальто. На том месте, где утром темнела пыльная полоса, жилет был уже чистый.

— Чаю? — предложила я.

— Перед шкафом можно.

— Вам разрешают принимать чай от проверяемых?

Он посмотрел на две чашки.

— Чай — да. Деньги за хорошее заключение — нет.

Я наполнила чашки, оставив в своей место для холодной воды. Его чашку отодвинула от края — там заусенец мог зацепить рукав.

— А если мы не сойдёмся во мнениях?

— По заключению? Можно потребовать независимую проверку. Это есть в условиях.

— Я видела. Спрашиваю про чай.

Марк посмотрел на меня поверх чашки.

— Чай хороший.

Я подвинула к Марку расчёт Брена и копию договора.

— Крышу пока закрыли. На постоянный ремонт я не согласилась.

— И правильно. Сначала нужно проверить…

Он подтянул рукав, чтобы не задеть чай, и я посмотрела на его запястье. У основания большого пальца белел старый шрам. Чуть выше, на светлой коже, осталась тонкая полоска от манжеты.

— …что осталось из материалов, — закончил Марк. — Не всё можно будет использовать.

Я подняла глаза.

— Вы знаете, где покупать новые?

— На почтовом дворе. Завтра после описи покажу.

Он прочёл расчёт, потом договор. Пока смотрел на бумаги, я потянулась за доской с хлебом, оказалась плечом почти у его плеча и принялась нарезать ломти. Под ножом хрустела корка. От Марка пахло влажной шерстью и мылом.

— Вам подвинуться? — спросил он.

— Нет, я достаю.

Я положила нож. Доску можно было отнести обратно, но я оставила её между нами.

Марк взял ломоть, другой рукой придержал блюдце. Его пальцы задели мои. Я посмотрела на хлеб, пропустив, о чём он спросил.

— Простите?

— Сахар где?

— За вами. На полке.

Пока он оборачивался, я вытерла ладони о юбку.

— Когда подавать ходатайство? — спросила я. — Как закончите опись?

— После технического осмотра. Сначала шкаф и контур. Временную защиту нельзя ставить на сырость.

Он вернул мне бумаги. Копию договора я убрала в папку, расчёт оставила сверху.

Чай в моей чашке почти не убавился. Я отпила, обожгла язык и поставила её так осторожно, что Марк посмотрел на меня.

— Горячий?

— Ещё немного посидим.

Он помедлил и снова взял хлеб.

С улицы доносился скрип колеса; где-то спорили о цене дров. Марк отломил жёсткую корку и придержал её ладонью, чтобы не рассыпать крошки.

— Дома вы тоже проверяете все двери? — спросила я.

— Нет.

— Только некоторые?

Он поставил чашку.

— Моя плохо закрывается. Не буду портить вам впечатление.

Я засмеялась. Марк смотрел на меня, не возвращаясь к бумагам.

В сортировочной что-то сухо щёлкнуло.

Он встал сразу.

— Шкаф, — сказал Марк. — Возьмите чистый лист и карандаш. Чашки оставьте здесь.

Марк забрал футляр с прилавка. Я пошла следом.

Сырой конверт Милы лежал на прежнем месте. Край подсох, но работать с ним дальше я ещё не бралась. Над столом чуть пахло мокрым деревом.

Марк открыл футляр, достал пару плотных перчаток и короткий металлический стержень с деревянной ручкой. Поставил рядом пустой лоток.

— Я буду называть предметы. Записывайте по порядку. Если что-то пропущу, остановите.

— Как я пойму?

— Вы же увидите.

Он сказал это без улыбки. Я положила лист на сухой край стола.

Верхний шкаф оказался заперт на две защёлки. Марк открыл нижнюю, выждал, потом прижал стержень к круглой медной накладке. Щелчок повторился. На этот раз я увидела, как вздрогнул зазор между дверцами.

— Не подходите ближе, — сказал он.

Я осталась у стола.

Марк повернул стержень. За дверцей что-то звякнуло, словно в стакане дрогнула ложка, и затихло. Он открыл шкаф.

Внутри не было ни зубов, ни глаз. Только стеклянные трубки в деревянных гнёздах, потемневшая медь и множество узких лент, протянутых между контактами. На нижней полке стояла катушка. Белая лента на ней сворачивалась и разворачивалась, хотя окна были закрыты.

Марк поднял руку, перекрыл маленькую заслонку. Лента перестала двигаться.

— Остаточная тяга, — сказал он. — Изоляция внизу рассохлась. Ночью здесь ничего не трескалось?

— Я бы не отличила от дома.

Он посмотрел на меня и кивнул.

— Тогда запишем: не установлено. Пункт первый — приёмный распределитель. Корпус целый.

Я записала. Он диктовал дальше, проверяя каждую трубку отдельно. В лоток лёг маленький зажим, потом обломок серого уплотнителя. Марк придерживал дверцу плечом, пока работал обеими руками.

— Я могу её держать? — спросила я.

— Теперь можете. За наружный край.

Я подошла, взялась за сухое дерево. Марк убрал плечо. Между нами осталось место для открытой дверцы, и всё равно я отчётливо чувствовала его рядом.

— Здесь меняли крепление, — сказала я.

Он остановился.

— Где?

Я показала, не касаясь металла. Выше новой скобы на дереве остался светлый прямоугольник. В нём виднелись два старых отверстия.

— Планка была выше. А этот винт вкручивали недавно. Под ним свежая стружка.

Марк наклонился. Потом достал из футляра узкую кисть и осторожно провёл по краю скобы. Крупинка дерева упала в его ладонь.

— Запишите отдельно. Подтяжка крепления. Давность не установлена.

— Что-то плохое?

— Пока не знаю. Нужно найти ремонтную запись.

Он не стал превращать моё наблюдение в повод немедленно закрыть шкаф. Проверил планку ещё раз, назвал следующий номер.

К пятому предмету я уже успевала за ним без остановок.

Когда Марк попросил повернуть лист, я не сразу поняла, что мы исписали всю страницу. Он держал второй край дверцы, я — первый. На столе лежала моя папка, внутри неё — копии договора и расчёт на крышу. Все числа оставались прежними.

— Продолжим? — спросил Марк.

Я взяла чистый лист.

— Диктуйте.

Глава 3. Пока письмо идёт

На второй странице описи у меня перестало помещаться слово «распределитель».

Я начала писать мельче. Марк, стоявший у шкафа, оглянулся.

— Возьмите ещё лист.

— Этот не кончился.

— Но вы потом не прочтёте.

Я посмотрела на строчку. Он был прав, что несколько раздражало. Не настолько, чтобы переписывать при нём.

— Следующий предмет? — спросила я.

Марк назвал номер, а потом осторожно вынул из гнезда треснувшую прокладку. Она раскрошилась у него между пальцами. Серый порошок посыпался в лоток.

Я перестала писать.

— Это та самая изоляция?

— Да.

Он показал мне край медной полосы. На нём чернел маленький полумесяц.

— Здесь уже грелось.

— Пока вы не закрыли заслонку?

— Могло и раньше. Писем сейчас через узел не идёт, но в накопителе оставалась тяга.

Я отпустила дверцу и отошла, когда Марк попросил. Он отвинтил узкую трубку, подержал её над лотком. Изнутри выскользнула белая лента и легла неподвижно, как шнурок.

Ничего больше не звякнуло.

— Теперь пусто, — сказал Марк. — Не поворачивайте рукоятей. В таком состоянии до утра оставим.

Я посмотрела на чёрную отметину. От неё до дерева было меньше пальца.

— Хорошо, что вы вернулись.

Марк накрыл лоток крышкой.

— Я обещал.

Он сказал это просто, уже доставая из футляра следующий инструмент. Я некоторое время держала карандаш над листом, потом дописала номер прокладки.

В нижнем отделении шкафа нашлась тонкая тетрадь, обёрнутая промасленной бумагой. Марк положил её на стол передо мной.

— Ремонтный журнал. Посмотрите последние записи.

Листы пахли железом. На полях оставались отпечатки пальцев — кое-где с чёткими завитками, будто люди нарочно прикладывали руки вместо подписи. Последняя запись была сделана пять недель назад. Дата, перечень работ, две фамилии. Внизу — росчерк Агаты, такой же, как на ярлыках её коробок.

Я прочла вслух:

— «Перенос опорной планки в неповреждённую древесину. Замена двух креплений». Это оно?

Марк наклонился над тетрадью. Я придержала страницу, пока он сравнивал номер с табличкой в шкафу.

— Оно. Верхняя пара отверстий осталась от прежней планки.

— Значит, там просто чинили?

— Да. Вы правильно заметили. Теперь у нас есть запись, с которой можно свериться.

Рядом с принятыми работами стояла ещё одна строка: «Уплотнения под замену до следующего включения». Под ней Агата ничего не подписала.

Я провела пальцем по полю, не касаясь чернил.

— Она не успела.

Марк выпрямился.

За окном простучали колёса. Я услышала, как в соседней мастерской опускают ставню, и неожиданно вспомнила тётино голосовое сообщение. Она тогда долго кашляла и сердилась, что я предлагаю вызвать врача. Я слушала сообщение в автобусе, прижав телефон к уху, чтобы разобрать слова.

О лавке в нём ничего не было.

— Журнал забираете? — спросила я.

— Нет. Останется у вас. Я выпишу номера и фамилию мастера.

Я перелистнула дальше. Чистых страниц было ещё много.

Дальше мы работали молча. Когда с оборудованием закончили, Марк подошёл к двери архива, сверил номер печати с актом и при мне разрезал ленту. Я придерживала дверь, пока он проверял, сухо ли возле порога.

В хранилище было холоднее, чем в сортировочной. На нижних полках пахло сырой древесиной, выше — пылью и чем-то сладким. Я потянулась к коробке с перекошенной крышкой.

— Красные не открываем, — напомнил Марк.

— Эта коричневая.

Он поднёс к ней лампу. По нижнему краю проступила тёмная красная полоса.

Я убрала руку.

— Буду проверять снизу.

Марк поставил лампу на полку и показал мне маркировку остальных ящиков. Мы не вынимали письма одно за другим: сверяли наружные номера, считали связанные пачки, отмечали состояние упаковки. Подробный разбор каждой ещё предстоял. Три намокшие пачки перенесли на свободные подложки в сортировочную. Я раздвинула их так, чтобы между листами проходил воздух.

На одном конверте застыл потёк красного воска. Я остановила руку Марка, когда он собирался поднять его за угол.

— Подождите. Здесь край держится только на печати. Нужен второй лист снизу.

Он замер, потом взял подложку.

— Так?

— Чуть левее. Да.

Вместе мы перенесли конверт, не отломив тонкую дорожку воска. Марк записал повреждение. Я не сразу вернулась к своим листам: было приятно, что на этот раз остановила его вовремя я.

К вечеру на столе лежало четыре страницы описи. Я сверила номера ещё раз, прежде чем подписать. Марк оставил мне копию и список того, что нужно купить. Потом запер архив с новой печатью.

Под корпус шкафа Марк подложил сухую бумажную полоску: утром по ней нужно было проверить, не собирается ли влага. Потом закрыл дверцу. Рукоять, которая ещё могла поднять ленту, снял и положил в футляр.

— Пока рукоять будет в инспекции. Верну после замены уплотнений и проверки. Записал здесь, — сказал Марк и показал строку в акте.

— Вы приходите с маленьким футляром, а уносите в нём полдома.

Он посмотрел на крышку, которая не хотела сходиться.

— Сегодня только ручку.

Я придержала край ремня, пока он застёгивал пряжку. Кожа была тёплой от лампы. Наши руки не соприкоснулись, хотя я заметила, как близко он держит пальцы.

— Завтра к девяти? — спросил Марк.

— К девяти.

Он ушёл, и я осталась слушать лавку.

Сковородка больше не звенела. Это я заметила не сразу. Постояла под балкой, протянула руку: на ладонь ничего не упало.

Вымыла посуду, убрала мокрую тряпку. Перед тем как подняться наверх, ещё раз заглянула в сортировочную. Конверт Милы лежал отдельно от остальных. Имя читалось хорошо, номер дома всё ещё расплывался синим облачком.

Я поправила подложку за свободный край и погасила лампу.

* * *

Утром я проснулась до того, как за стеной начали работать.

На подоконнике лежала проездная карточка. Вечером я достала её из чемодана, собираясь сходить домой за инструментами, но не дошла даже до лестницы. Заснула поверх одеяла, в шерстяных носках.

Я умылась холодной водой и собрала волосы. Потом взяла с подоконника второе яблоко, оставшееся со вчерашнего дня, и пошла вниз.

Сухое пятно на потолке стало светлее по краям. Я сравнила его с карандашными отметками, которые сделала вечером по размерам Марка. За черту сырость не вышла.

Когда он постучал, я как раз выметала из-под прилавка щепки.

— Входите. Я открыла.

Марк придержал дверь, чтобы ветер не хлопнул ею о стену.

— Доброе утро.

— Здесь пока доброе. Не капает.

Он посмотрел вверх, затем на миску, которую я оставила под балкой на всякий случай.

— Брен хорошо делает накладки.

— Мне сказали, он медленный.

— Зато накладка держит. Проверим, просохло ли у шкафа, и пойдём за уплотнениями.

Я повесила совок на крючок.

Марк проверил стену у слухового окна и полоску сухой бумаги, которую вчера оставил под корпусом шкафа. На ней не появилось влажных пятен. Он убрал её в папку, и мы вышли.

По дороге я старалась не отставать. У Марка был широкий шаг; на узком месте возле булочной я оказалась за его спиной, и он почти сразу замедлился. Дальше шли рядом.

У кассы на площади пришлось постоять: я сняла сто крон на материалы, пока Марк ждал у входа. Квитанцию убрала в папку, монеты — отдельно от денег на хлеб.

Почтовый двор располагался за площадью, под длинной крышей из зеленоватого стекла. Я ожидала увидеть очередь и несколько окошек. Очередь там действительно была, зато окошки приходилось искать между деревянными башенками, трубами, столами и людьми с одинаковыми кожаными сумками.

Под потолком по рельсу скользила тележка с мешками. Мужчина на стремянке выдернул один, качнулся и поймал ногой перекладину. Снизу ему крикнули, чтобы завязал шнурок. Он посмотрел на сапог и послушно сел.

У первой стойки девушка в синем переднике ставила печати на карточки. Вторая стойка была завалена свёртками. За третьей женщина с коротко остриженными седыми волосами держала на весу конверт, а посетительница напротив неё никак не могла перестать теребить перчатки.

— Так она уже согласилась, — говорила посетительница. — Вчера почтальон принёс мне подтверждение. Я поэтому и пришла сама.

Седая женщина развернула лежавшую перед ней карточку.

— Подтверждение есть. А адрес на конверте повреждён. Угол надорван и смят, две цифры в маршрутной метке не разобрать.

— Я его записывала. Там точно семнадцать.

— В подтверждении семнадцать. Мне нужно, чтобы сохранившаяся метка на самом письме с ним совпала. Иначе узел его не примет. Можно написать цифры заново, но сами по себе они не восстановят старую связь с путём.

Марк остановился в стороне от очереди. Женщина за стойкой заметила его и кивнула.

— Рейн. Подожди немного.

— Здравствуйте, Ирма. Мы к снабженцу, не к вам.

Я всё ещё смотрела на конверт. На верхнем крае осталась узкая полоска отслоившейся бумаги. Из неё торчало тёмное волокно.

— Можно под свет? — спросила я.

Посетительница повернулась ко мне.

Я показала на стеклянный фонарь над стойкой.

— Вон туда. Я не буду брать в руки.

Ирма поднесла конверт к лампе. Марк отступил чуть в сторону, освобождая мне место, но ничего за меня не сказал.

— Видите полоску? — спросила я у Ирмы. — Она загнулась. Часть цифры может быть на ней, с внутренней стороны сгиба.

Седая женщина прищурилась.

— Край пересох. Боюсь отломить его совсем.

— У вас есть тонкий шпатель?

Она достала из ящика костяную лопаточку и положила перед собой.

Я посмотрела на посетительницу.

— Я реставратор. Можно попробовать расправить край? Конверт останется закрытым. Если бумага начнёт ломаться, остановлюсь.

Женщина перестала комкать перчатки.

— Попробуйте, пожалуйста.

Ирма показала мне свободный участок стойки и пододвинула чистый лист.

— Здесь. Я подержу свет.

Марк поставил свой футляр на пол и отошёл от моего локтя. Я сняла пальто, свернула его на сгибе руки. Он протянул ладонь.

— Давайте.

Я отдала. Он остался рядом, держа пальто так осторожно, будто из него тоже мог высыпаться повреждённый адрес.

Бумага была плотная, с длинным волокном. От дождя она успела высохнуть жёсткой гармошкой. Я не стала выпрямлять весь угол: поддела только узкую полоску, на которой темнел штрих. Подождала. Снова подвела лопаточку.

Посетительница втянула воздух.

Я остановилась.

— Всё хорошо. Пока держится.

Ещё немного. Полоска развернулась на подложке, и под косым светом показался загнутый хвостик семёрки. Рядом сохранилась единица. Я убрала инструмент.

— Здесь есть оба знака. Больше трогать не нужно.

Ирма опустила лампу, посмотрела на цифры через круглое стекло и сравнила их с карточкой подтверждения. Потом взяла маленькую рамку с зажимами и уложила в неё конверт. Надорванный угол остался расправленным на прозрачной подложке.

— Это не помешает? — спросила посетительница.

— Рамку снимут на приёмном узле, — ответила Ирма. — Ничего лишнего на ваше письмо клеить не станем.

Я отступила от стойки. Марк подал мне пальто и поднял с пола свой футляр. Рукав чуть вывернулся, и я не сразу нашла рукой отверстие.

— Спасибо, — сказала я, уже не глядя на него.

Ирма тем временем закрепила карточку подтверждения в прорези у медной пластины. Поднесла к ней письмо. Тонкая линия на рамке засветилась.

— Отправляем? — спросила она у посетительницы.

Женщина кивнула, потом быстро добавила:

— Да.

Ирма опустила рамку в неглубокий лоток и прижала рычаг.

Я ожидала света. Вихря, хлопка, хотя бы звука, который соответствовал бы исчезновению вещи. Но за прозрачной крышкой конверт просто стал тоньше. Ещё мгновение были видны печать и угол с цифрами, а потом под ними проступило дно лотка.

Рамка исчезла вместе с письмом.

На стойке осталась карточка. Ирма вынула её и положила перед женщиной.

— Теперь ждём отметку приёмного узла.

Посетительница положила перчатки на край стойки. Правую ладонь накрыла левой.

В очереди за нами кто-то кашлянул. Девушка в синем переднике поднялась, открыла соседнее окошко и поманила следующего.

Мы ждали.

Я смотрела на карточку, но на ней ничего не менялось. Отправить письмо оказалось быстрее, чем убедиться, что оно дошло. Ирма поправила фитиль в лампе. Посетительница попробовала надеть одну перчатку и снова сняла.

— У меня мама на другом берегу, — сказала она вдруг, глядя на собственные руки. — Мы с осени не разговаривали.

Никто не спросил почему.

Женщина потёрла ладонь о ладонь.

— Я в извещении только имя оставила. Думала, не возьмёт.

Марк стоял у стойки неподвижно. Я вспомнила Милу и её напёрсток. Захотелось, чтобы на карточке уже хоть что-нибудь появилось.

Бумага тихо щёлкнула.

В нижнем углу проступил маленький квадрат. Внутри него развернулись две строчки и время.

Ирма наклонилась.

— Принято в ящик. Вот, можете забрать квитанцию.

— Она взяла?

— Письмо в её ящике. Когда прочтёт — узнаете от неё.

Женщина кивнула. Забрала карточку, подержала её перед собой, потом прижала к груди так неловко, что перчатки упали на пол.

Я подняла их и подала.

— Спасибо, — сказала она. — Вам тоже спасибо.

Потом отступила от стойки, пропуская остальных. У выхода остановилась, снова достала квитанцию из сумки и посмотрела. Я ещё видела её, пока мы шли к снабженцу.

* * *

Нужные уплотнения продавались комплектом. Сорок восемь крон за шесть штук. Я сверила номер со списком Марка и попросила показать края: один оказался продавлен, мне заменили весь пакет.

Сухие подложки стоили ещё двенадцать. Я взяла небольшую пачку, оставив на полке большую.

— На пробу? — спросил снабженец.

— Для начала.

Он пересчитал деньги, положил к покупкам квитанцию.

Я подписала расход на обороте своего списка. После будущего ремонта, сбора и первого платежа от кассовых денег оставалось бы двадцать крон. Вслух я этого не сказала. Сложила бумагу и убрала к договору.

Когда мы отошли, я остановилась возле стенда с образцами маршрутных чернил. Под стеклом стояли крошечные флаконы. Синие, коричневые, почти бесцветные. За ними я решила вернуться после допуска. Сначала нужно было закончить ремонт.

Марк ждал у колонны. Я подошла к нему сама.

— Я даже про оплату не подумала, — сказала я.

— В следующий раз договоритесь заранее.

Я поправила пачку подложек под мышкой.

— Придётся научиться.

Он не стал продолжать. Только придержал дверь, когда мы вышли во двор.

По стеклянной крыше бежали тени облаков. Возле входа мальчик в почтовой куртке привязывал к багажнику велосипеда две сумки. В одну торчком встал свёрток; мальчик поворчал и переложил его набок.

Я вспомнила, как долго мы стояли над маленькой карточкой.

— Ирма знала, что письмо дойдёт?

— Она проверила путь, — ответил Марк. — Но подтверждение всё равно нужно дождаться.

— А если не появится?

— Будет разбираться. У неё останется запись отправки.

— У меня тоже должна быть?

— Для каждого письма.

Я посмотрела на свои покупки. Уплотнения лежали в маленьком бумажном пакете. Пачка подложек занимала почти всю руку. С этими двумя вещами ещё предстояло вернуться в лавку, разобрать шкаф и закончить опись.

— Научите меня работать с подтверждениями, — попросила я.

Марк кивнул.

— После допуска. Пока покажу журнал.

Мы шли обратно через площадь. Я уже узнавала поворот к булочной и дом с кривым водостоком. На углу Марк придержал меня за локоть, пропуская тележку с досками. Я шагнула к нему. Тележка проехала, но он убрал руку не сразу, а я осталась на месте, пока возчик не скрылся за поворотом.

У лавки я достала ключи первой.

— Нужно будет сделать табличку, — сказала я.

Марк посмотрел на выцветшую вывеску Агаты.

— Новую?

— Пока маленькую. С часами работы.

Я вставила ключ в замок. Пачка подложек норовила выскользнуть; Марк поддержал её снизу и ждал, пока я открою.

За спиной негромко позвали:

— Надя.

Мила стояла у двери ателье. В руках у неё была длинная полоса ткани; она держала её за оба конца, не давая коснуться мостовой.

Я обернулась с ключом в руке.

— Вы дату можете восстановить? — спросила Мила. — На мамином письме.

Глава 4. До первого ноября

Ключ повернулся, а дверь я так и не открыла.

Мила ждала ответа. Полосу ткани она теперь держала одной рукой; второй собирала складки у бедра, чтобы конец не попал в лужу.

— Могу посмотреть, что сохранилось, — сказала я. — Обещать дату пока не могу.

— Мне только снаружи.

— Я поняла.

За моей спиной Марк перехватил пачку подложек. Я наконец толкнула дверь и пропустила его вперёд. Мила осталась на ступени.

— Поставлю это у себя, — сказала она, приподняв ткань. — Сейчас приду.

В лавке пахло вчерашним чаем. Я сняла пальто, освободила на прилавке место, но Марк отнёс покупки сразу в сортировочную.

— Здесь лучше, — сказал он оттуда. — Меньше переносить.

Письмо Милы лежало там, где я его оставила. По верхнему краю бумага выровнялась, внизу ещё держалась небольшая волна. Я поднесла тыльную сторону пальцев к поверхности, не касаясь: от листа уже не тянуло вчерашним холодом.

Когда Мила вернулась, я придвинула ей стул. Она не села.

— Вот этот штамп? — спросила я.

На обороте, ниже имени Ады, виднелась часть бледного круга. Поперёк него шёл широкий бурый развод.

Мила кивнула.

Я поставила лампу сбоку. Потом переставила ещё раз, ниже. В косом свете на бумаге выступил ободок штемпеля, чуть вдавленный в поверхность.

— У вас есть увеличительное стекло? — спросила я Марка.

Он достал из футляра маленькую складную лупу. Для чтения номера на трубке её хватало. Для этой бумаги — нет. Я наклонилась ближе, и тень от моей головы сразу закрыла нужное место.

— Дайте я подержу, — предложила Мила, потянувшись к лампе.

Я показала ей, за какую часть можно взяться. Металлическая ножка тихонько скрипнула по столу.

Между двумя расплывшимися пятнами была видна четвёрка. Слева от неё что-то выгибалось к нижней линии, но при таком увеличении это могло оказаться и цифрой, и продавленной складкой.

Мне захотелось сказать: «Двадцать четвёртое». Слова уже почти сложились.

Я выпрямилась.

— Пока вижу только последний знак числа.

— А месяц?

— Здесь нужно другое стекло. У меня дома есть.

Мила всё ещё держала лампу. Я осторожно взяла её за ножку и поставила на стол.

— Если вы знаете, какую дату ищете, не говорите мне пока, — попросила я.

— Почему?

— Начну видеть её в каждом пятне. Со мной бывало.

Мила посмотрела на письмо, потом на меня.

— Мне нужно знать, до первого ноября или после.

Я невольно опустила глаза к штампу. Теперь в буром разводе очень убедительно проступало начало ноября.

— Вот, — сказала я. — Уже поздно.

Мила коротко выдохнула. Почти засмеялась, но сразу провела ладонью по рту.

Марк стоял у шкафа и разворачивал свёрток с уплотнениями. На наш разговор он не оборачивался.

— Я тогда уехала, — сказала Мила. — Первого числа.

Я убрала лупу со стола, чтобы не крутить её в руках.

— Понятно.

— Нет, вы не подумайте. Я не потому спрашиваю, что передумала его брать.

— Я ничего не оформляю, — отозвался Марк, не подходя. — Вы попросили посмотреть наружную отметку.

Мила повернулась к нему. Несколько секунд смотрела на раскрытый футляр, потом снова на конверт.

— Хорошо.

Я накрыла письмо чистым свободным листом, оставив между ними воздух на невысоких подставках. Ставить груз на печать было нельзя.

— Сегодня я не буду его больше трогать. Пусть досохнет. А утром посмотрю своим стеклом.

— Я в ателье, — сказала Мила.

Она ушла, не попросив нас позвать её сразу. На стуле, на который так и не села, осталась тонкая чёрная нитка. Я сняла её с края сиденья и намотала на палец.

— Там могла быть двойка, — сказала я, когда дверь закрылась.

Марк поднял голову.

— Перед четвёркой?

— Да.

— Почему не сказали?

Я потянула нитку. Она порвалась посередине.

— Она бы ушла с этой двойкой. А я бы осталась проверять.

Марк немного помолчал, затем подвинул ко мне коробочку от своей лупы.

— Положите сюда, пока не потерялась.

* * *

Из шести новых уплотнений Марк взял четыре. Два оставшихся я завернула в бумагу и подписала номер из списка.

Он показал мне паз, из которого вчера высыпался серый порошок. Новый материал был тёмный и упругий; под пальцем почти не проминался. Прежде чем поставить его, Марк долго вычищал узкой щёткой дно паза.

Я держала лампу. Время от времени он просил повернуть её, и я поворачивала слишком далеко. На третий раз он обозначил карандашом место ножки на столе.

— Так удобнее, — сказал Марк.

— Если не будете двигать стол.

Он посмотрел на свою ногу, упиравшуюся в перекладину, и переставил её.

Работа оказалась тише, чем я ожидала. Ничего не вспыхнуло. Одно уплотнение не садилось до конца; Марк вынул его, снова прочистил паз и начал сначала. Мне досталось снимать размеры с испорченных деталей и складывать их в подписанные пакетики. К полудню я знала о внутренностях шкафа достаточно, чтобы не хотеть включать его случайно.

Потом Марк достал из футляра отдельный короткий рычаг.

— Это не та рукоять? — спросила я.

— Проверочная. Она подаёт тягу только внутри шкафа. Приёмная линия останется закрытой.

Он закрепил её в другом гнезде и показал мне неподвижную заслонку. Мы отодвинули от шкафа письма и подложки. Марк попросил меня встать у двери сортировочной, сам остался сбоку от медных трубок.

Внутри раздался низкий гул. По стеклу медленно поднялась белая полоска, дошла до риски и замерла. Я следила за местом, где вчера чернел полумесяц. Новая прокладка оставалась тёмной, дерево рядом не меняло цвета.

Марк перевёл взгляд на часы. Потом на маленькую пластинку в своей руке. На ней была светлая точка; пока мы ждали, она почти не сдвинулась.

— Нормально? — спросила я.

— Пока да. Ещё немного.

Я опустила руки. Только теперь заметила, что всё это время сжимала в ладони крышку от коробки.

Проверка закончилась без происшествий. Марк снял рычаг, вынул пластинку и повторно осмотрел сухую полосу под шкафом. Затем мы поднялись к слуховому окну: он проверил крепления контура у стены, я показала вчерашнюю карандашную границу сырости.

— Пока не вышла, — сказала я.

Он согласился. Написал что-то на листе и приложил его к своей папке.

Я всё ещё ждала другого результата. Наверное, слова «можно». Но Марк спустился в лавку, сел за прилавок и достал бланки.

— Свидетельство о наследстве у вас?

Я принесла папку.

Он разложил бумаги по порядку, подложил под них заявку, которую я начала заполнять вчера. В строке об объёме работ ещё было пусто.

— Временное восстановление и передача частных отправлений, — проговорил Марк, взяв перо. — Хранение принятого архива.

Я прижала ладонью край листа.

— Подождите.

Он остановился над строкой.

— Что не так?

— Я ещё не решила насчёт всего архива.

— Он уже передан вам по наследству.

— Во владение. Вы сами говорили, что опись предварительная. Я пока даже не знаю, сколько там писем, с которыми можно работать.

Марк положил перо поперёк чернильницы.

— Заявка не обязывает восстановить каждое.

— Тогда так и объясните. А писать я буду сама.

Он посмотрел на мою руку. Под ладонью собиралась складка, и я заставила себя отпустить бумагу.

— Я хотел сдать пакет сегодня, — сказал Марк.

— Я тоже хочу сегодня. Но прочитать до этого я успею?

Марк отодвинул чернильницу ко мне.

Я ждала, что он начнёт объяснять, как мало у нас времени. На часах за его плечом минутная стрелка дрогнула и пошла дальше.

— Успеете, — сказал он.

Я села с другой стороны прилавка. Прочла первый лист, затем второй. Марк отвечал, когда я спрашивала, но к перу больше не тянулся.

Обязательство оказалось тем же: сохранить то, что я приняла, учитывать работу и не отправлять письмо, пока адресат не согласится. Возможность передать архив другому узлу никуда не исчезала. Стоимость этого мы по-прежнему не знали.

Внизу последнего листа была строка, которой я вчера не заметила: «Сведения о повреждениях представлены полностью».

— А если я чего-то ещё не нашла?

Марк подвинул ко мне опись.

— Напишите, что подробный разбор упаковок не закончен. И сошлитесь на эти четыре страницы. Я приложу акт осмотра.

Я дописала это сама. Почерк вышел хуже, чем в начале заявки.

Когда я поставила подпись, Марк уже убрал свои инструменты. Пальто лежало на стуле, а он стоял возле окна, проверяя список приложений.

— Вы ведь не для этого вернулись? — спросила я.

Он обернулся.

— Для чего?

— Чтобы заполнить всё за меня.

У него дрогнул угол рта, но улыбки не получилось.

— Нет. Привычка.

Я собрала свою копию и выровняла листы ребром о прилавок.

— У меня тоже есть. Подписывать, чтобы не задерживать.

Марк посмотрел на перо, которое я всё ещё держала.

— Сегодня задержали.

— Старалась.

Он взял пакет. Я надела пальто.

До кассы мы дошли вместе. Из оставшихся на счёте денег я сняла ещё восемьдесят крон, добавила сорок, которые не потратила утром, и у соседнего окна внесла сбор. Квитанцию пришлось подождать: служащая переписала мою фамилию с лишней буквой, потом нашла новый бланк.

Марк стоял неподалёку. На этот раз я не оглядывалась на него, пока проверяла запись.

У дверей инспекции он забрал пакет с квитанцией, показал мне окно приёмной и дождался, пока служащий выдаст отметку о подаче. На моей копии появился номер.

— Обычно решение на следующий рабочий день, если не запросят дополнений, — сказал Марк, когда мы вышли. — До него ничего не запускаем.

— Я уже поняла.

— Завтра после полудня зайду. С ответом или без, чтобы вы не ждали зря.

Я кивнула.

Марк ещё постоял рядом, будто собирался что-то добавить. За нами распахнулась дверь; он придержал её для человека с высокой стопкой коробок. Я отступила к стене, он оказался почти вплотную. Пахнуло его пальто, нагретым солнцем. У воротника зацепился светлый пух.

Я сняла его двумя пальцами. Марк перестал смотреть на коробки.

— От упаковки, — сказала я.

— Похоже.

Я разжала пальцы, но пух прилип к перчатке. Пришлось спрятать его в карман.

— До завтра, — сказала я.

Он ответил не сразу.

* * *

Дома у меня пахло средством для мытья пола.

Я стояла в прихожей своей квартиры, всё ещё держа проездную карточку у дверной рамы. За спиной сквозь проход виднелась задняя комната лавки; передо мной лежали кроссовки, которые я бросила в день отъезда. Один перевернулся подошвой вверх.

На кухонном столе сохранился круг от кружки. Я провела по нему пальцем. Сухой.

Мне казалось, что здесь тоже должно было что-нибудь протечь или рассыпаться. Но холодильник спокойно работал, из крана сразу пошла горячая вода, и никому не понадобилось объяснять, зачем я её открыла.

Я долго мыла руки. На костяшке осталась серая полоса; я потёрла её щёткой, пока не сообразила, что это старый след от карандаша.

Телефон лежал в сумке, которую я оставила здесь перед переходом. На экране было несколько уведомлений. Я просмотрела их, ответила на короткое рабочее сообщение и поставила телефон заряжаться.

Тётино последнее голосовое осталось в переписке. Я увидела значок записи, но нажимать не стала.

В рабочем ящике всё было разложено так, как я привыкла: тонкие пинцеты слева, кисти в свёртке, отдельный пакет с чистыми подложками. Я достала большую лупу на подставке, маленький фонарь на батарейках для бокового света и карандаш. Потом всё-таки взяла ещё два карандаша.

В сумку легли чистая рубашка и носки. Я постояла перед шкафом, выбрала мягкий серый свитер. На вешалке он занимал мало места; в сумке сразу занял почти всё.

Пришлось вынуть и сложить заново.

В холодильнике оставалось открытое молоко. Я вылила его в кастрюльку, сварила овсянку и съела прямо на кухне. Можно было остаться ночевать. Постель здесь была моя, до неё не требовалось подниматься по тёмной лестнице с чужими скрипучими ступенями.

Я даже поставила сумку на пол.

Потом вспомнила лампу в руках Милы. Как осторожно она держала её за тёплую ножку, пока я рассматривала пятно.

Я вымыла кастрюльку, забрала сумку и выключила свет.

Обратно в лавку я вернулась до сумерек. Сковородка под балкой была пустая. Я убрала её на кухню, где сковородкам обычно и полагалось находиться.

Свою лупу поставила у стола, но письмо не тронула. После дороги и горячей воды глаза слипались. Я лишь проверила, не прилипла ли подложка к конверту, и погасила лампу.

Сверху, из жилых комнат, лавка больше не казалась совсем чужой. На перилах висела моя рубашка. Под стулом стояли мои запасные туфли. Я убирала привезённые вещи и, сунув руку в карман пальто, нащупала прилипший к подкладке светлый пух.

Сняла его с подкладки и положила на подоконник, собираясь выбросить утром.

* * *

На следующий день я увидела двойку раньше, чем успела о ней вспомнить.

Она стояла перед четвёркой, чуть выше размытой линии. Вчера при слабом увеличении я принимала за её хвост продавленную складку. Теперь видела отдельно и складку, и след штемпеля.

Я зарисовала всё на чистом листе. Потом повернула боковой свет так, чтобы он шёл с противоположной стороны. Подруга в мастерской всегда заставляла меня делать это дважды, когда я слишком радовалась находке.

Число сохранилось целиком. В месяце часть краски ушла с водой, зато вдавленные буквы остались. Мне пришлось несколько раз менять угол света; на бумаге я отмечала только то, что могла показать снова.

К полудню рядом с конвертом лежал рисунок штампа с незакрашенными пробелами. Месяц читался как октябрь. Год был на сухом участке, и его я просто переписала. Никаких чернил на само письмо я не наносила.

Я пошла в ателье. Мила сидела у окна и распарывала рукав.

— Можете прийти? — спросила я. — Есть что посмотреть.

Игла осталась у неё над тканью.

— Сейчас.

Она завязала нитку, отложила работу и достала из-под стола башмаки. До двери шла медленно, одной рукой поправляя пятку.

В сортировочной я показала ей рисунок, потом соответствующие места на конверте под лупой.

— Двадцать четвёртое октября, — сказала я. — Вот число. Здесь месяц, краска сохранилась не вся, но буквы видны по оттиску. Год на этом краю, он почти не пострадал.

Мила наклонилась. Ей пришлось снять очки, которые она надела для шитья.

— Год тот. Восемь лет назад.

Она выпрямилась и провела пальцем по дужке очков.

— До, — сказала она.

Я убрала руку от подставки.

— До первого ноября.

Мила села. Теперь стул ей понадобился сразу.

— Я думала, после.

В лавке кто-то потянул дверь, звякнул колокольчик. Я вышла из сортировочной. На пороге стоял мальчик с мешочком медных пуговиц.

— Это дальше, — сказала я, показывая направо. — Соседняя дверь.

Он убежал, придерживая карман. Я вернулась к столу.

Мила сидела в той же позе. Пальто снимать не стала, только расстегнула верхнюю пуговицу.

— Мама умерла семь лет назад, — сказала она. — А я уехала за год до этого. Первого ноября. После ссоры.

Я опустилась на другой стул.

— Мне жаль.

Она покачала головой, глядя на рисунок.

— Если бы после, я бы знала, что она хотя бы хотела мне что-то сказать. Когда уже уехала.

Я вспомнила, как вчера у меня почти получилось превратить пятно в нужное число.

— Мила, по этому штампу видно, когда письмо приняли на почте. Когда она его написала, я отсюда не узнаю.

— Но всё равно до.

— Да. Приняли до.

Мила поправила очки на коленях. Одна дужка была обмотана ниткой.

— Она всегда писала в начале: «Мила, я тебя прошу». Даже когда просила привезти пуговицы. Я вижу её почерк и уже знаю, что дальше.

Я посмотрела на имя на обороте. Ада. Неровная последняя буква, черта чуть длиннее остальных.

— Я не знаю, что там дальше, — сказала я.

— Я тоже не знаю.

Она произнесла это тихо, без прежнего раздражения. Расправила дужки и надела очки снова.

— Ваш рисунок можно забрать?

Я подвинула лист к ней.

Мила свернула его пополам, потом ещё раз. В карман он вошёл не сразу: внутри лежали ножницы, и она переложила их в другой.

— За работу сколько?

— Мы не договорились заранее, — сказала я. — За этот осмотр не нужно.

Ей это не понравилось. Я увидела по тому, как она поджала губы.

— Тогда я вам рукав зашью. Вы за угол прилавка цепляете. Ещё раз — оторвёте.

Я посмотрела на своё пальто. Под локтем расходился старый шов, которого утром я не заметила.

— Договорились.

Мила встала, но от письма не отошла. Поправила край моего рисунка, торчавший из кармана.

— Пусть пока у вас полежит, — сказала она.

— Конечно.

Я проводила её до двери. Она вернулась к себе, а я остановилась на ступенях и посмотрела вверх, на светлую полосу неба между крышами.

Марк пришёл, когда я уже убирала лупу. Положил на прилавок тонкий пакет, но сразу его не открыл.

— Что-то случилось?

— Дату прочла. Она оказалась не та, на которую Мила надеялась.

Он снял перчатки.

— Вы проверили?

Я кивнула.

— Можете показать?

Мы прошли к столу. Я снова выставила лампу, подвела лупу. Марк посмотрел на месяц, потом на число. Попросил повернуть свет и долго молчал.

— Я вижу то же, — сказал он наконец.

Я поставила лампу прямо. На бумаге опять остался бурый развод, и только краешек четвёрки был виден без увеличения.

— Вчера вы не сказали, — напомнил Марк.

— Я помню.

Он посмотрел на меня, будто хотел добавить что-то ещё, но вместо этого достал бумаги из пакета.

— Решение комиссии. Временный допуск на сорок дней. С сегодняшнего дня.

Он положил лист на свободное место и дал мне прочесть. Подписи были чужие. В приложении перечислялись условия: учёт каждого отправления, работа только с разрешёнными упаковками, сухое оборудование, повторный осмотр. Красные ящики оставались закрытыми.

Я дочитала до конца. Потом ещё раз посмотрела на первую строку со своим именем.

— Теперь можно?

— Теперь можно готовить письма к передаче и запрашивать согласие. Саму линию включу после проверки допуска по номеру и возврата рукояти. Её принесут из инспекции завтра утром.

Я провела ладонью по краю стола. Там, где обычно лежали чужие бумаги, теперь лежала моя.

— А до завтрашнего утра?

— Можно работать с тем, что уже здесь. Учиться журналу. Сделать табличку с часами.

Я посмотрела на дверь в лавку. Под ней двигался узкий солнечный прямоугольник.

— Сегодня не буду часы писать, — сказала я. — Сначала пойму, сколько у меня уходит на одно письмо.

Марк кивнул и сел напротив. Я нашла чистую тетрадь среди вещей Агаты, проверила, нет ли внутри записей, и раскрыла первую страницу.

Он показал, где оставить место для наружного номера, а где для решения адресата. Я записала дату начала допуска. Следующую строку оставила пустой.

Из ателье донёсся стук машинки. Прерывистый, потом ровный.

Я придвинула тетрадь ближе и попросила Марка показать ещё раз, куда записывать отказ.

Глава 5. В руки

Мила принесла моё пальто с починенным рукавом.

Я ещё стояла у прилавка с недоеденным хлебом. Пальто она положила подкладкой вверх и провела пальцем по рукаву.

— Здесь больше не разойдётся. Но если будете цепляться, ткань порвётся рядом.

Снаружи шва почти не было видно. Внутри лежала узкая полоска плотной ткани, подобранная в цвет.

— Спасибо. Я вчера только отнесла.

— Там работы на полчаса.

После урока с журналом я занесла ей пальто, а она велела не стоять в дверях и идти ужинать.

Она разгладила рукав ещё раз, хотя он и так лежал ровно.

— А его можно забрать? Сегодня.

Хлеб у меня в руке раскрошился. Несколько крошек упало на новую подкладку.

Я стряхнула их, но одну никак не могла поймать.

— Письмо? — спросила я наконец.

Мила кивнула. Смотрела она на пальто.

— Не обязательно прямо сейчас. Если вы заняты.

Я положила хлеб на блюдце.

— Не занята. Только проверю, как оформить. Вчера нам дали временный допуск, а личное вручение я ещё не делала.

— Марка подождать?

— Он скоро придёт.

Мила поправила край пальто, с которого я всё ещё смахивала несуществующие крошки.

— Я пока у себя побуду. Позовёте?

— Позову.

Она пошла к двери, остановилась и вернулась на шаг.

— Вы больше ничего на конверте не будете восстанавливать? Номер этот.

— Для передачи вам в руки, скорее всего, не понадобится. Узнаю точно. Печать трогать не буду.

Мила посмотрела на меня впервые за всё утро.

— Хорошо.

Она вышла. Я подняла пальто за плечи и поднесла к свету. Вчерашняя щель под локтем исчезла. Я просунула руку в рукав, согнула её и зачем-то проверила ещё раз.

Потом убрала хлеб в шкаф, вытерла прилавок и раскрыла тетрадь.

Вчерашняя пустая строка занимала целую страницу.

* * *

Марк принёс рукоять в отдельном свёртке. Завязки были пропущены под бумажной полосой с номером.

— Доброе утро, — сказал он и положил свёрток рядом с тетрадью. — Сверим с актом.

— Мила хочет забрать письмо.

Он посмотрел на меня, затем на открытый журнал.

— Сама пришла?

Я кивнула.

Марк снял перчатки.

— Тогда сначала письмо. Линия для этого не нужна.

— И дом на конверте?

— Если отправлять через узел, маршрут придётся восстановить. При личном вручении мы подтверждаем, кому передали. Нужны удостоверение, сверка адреса и подпись в получении. Я покажу, как записать.

Я подвинула ему тетрадь.

Он прочёл заголовки, которые мы вчера написали, и вернул её мне.

— Запись об отказе не зачёркивайте. Следующей строкой — что адресат сам изменил решение.

Я поискала карандаш. Он лежал у самого локтя.

— Я вчера только училась. Старой записи здесь ещё нет.

— Она в моём первом акте. Укажете его номер. В журнале начинаете с сегодняшнего приёма, а не изображаете, будто вчера уже всё вели.

Я нашла акт в папке. Между его листами осталась тонкая щепка от стола; я сняла её ногтем и положила в мусор.

Пока Марк вписывал себя в графу свидетеля, я сходила в ателье.

Мила была в пальто. Сидела за столом и держала в руках напёрсток. Коробка с рабочими нитками стояла открытой, но ткань под иглой машинки так и не продвинулась.

Она поднялась, не дожидаясь моего приглашения.

В сортировочной я сняла защитный лист с подставок. Письмо лежало на подложке, слегка выгнувшись у края. Мила смотрела на него из дверей.

— Можно сюда? — спросила она, показывая на прилавок в лавке.

— Конечно.

Я перенесла конверт вместе с подложкой. Марк отодвинул бумаги, чтобы они не задели печать. Свёрток с рукоятью он убрал на стул.

Мила подошла. Я показала ей наружный номер на уголке конверта и соответствующее место в журнале.

— Это он, — сказала она. — Я узнаю.

Марк попросил удостоверение и полный адрес. Мила достала из внутреннего кармана потёртую книжечку. Назвала улицу и дом, затем добавила:

— Верхняя квартира. Ателье внизу.

Марк сверил имя в удостоверении с конвертом, указал мне на сохранившуюся часть адреса. Данные совпадали. Я записала полный адрес со слов Милы.

— Здесь написать? — спросила Мила.

Я подвинула тетрадь, но не выпустила её сразу. Последняя строка заканчивалась словом «получено». Пока письмо ещё было у меня, это казалось неправильным.

— Сначала возьмите, — сказала я.

Мила стояла неподвижно.

Я положила конверт в широкую бумажную обложку, которую сложила из чистого листа, оставив открытым край с её именем. Печать ни обо что не тёрлась. Потом придвинула всё к ней.

Мила поставила рядом напёрсток и протянула руки.

У неё оказались маленькие ладони. До этого я видела их всё время занятыми: ткань, ключ, коробка, очки. Теперь пальцы держались по сторонам подложки и никак не решались сомкнуться.

— Снизу можно целиком, — сказала я. — Здесь бумага плотная.

Мила подхватила письмо. Я убрала руки.

Она не смотрела на лицо конверта. Сначала повернула его к себе боком, проверила сгиб, затем увидела оборот.

— Ада Таррен, — сказала она еле слышно.

Имя она знала и без меня. Я всё равно открыла рот, будто нужно было подтвердить, что там написано именно это, и закрыла.

Перо лежало перед ней. Мила осторожно пристроила письмо на свободном месте, вытерла пальцы о подкладку пальто и расписалась.

Подпись получилась крупная. Последняя черта ушла за границу графы.

— Ничего? — спросила она.

— Всё хорошо, — ответила я.

Мила подождала, пока чернила перестанут блестеть. Оставила жёсткую подложку на прилавке, подняла бумажную обложку с конвертом, но про напёрсток забыла.

Я окликнула её уже у двери.

Она вернулась. Неловко пыталась удержать обложку локтем, чтобы освободить руку.

— Давайте в карман, — предложила я.

Мила оттопырила край кармана, и я опустила туда напёрсток. Он тихо стукнул о ножницы.

— Я у себя прочту, — сказала она.

— Да.

Я придержала дверь. Мила прошла по ступеням медленно, обходя тёмный мокрый след у края, и скрылась в ателье.

Я вернулась к тетради. Марк стоял с другой стороны прилавка.

— Что теперь? — спросила я.

— Дата и время вручения. Моя подпись. И где теперь оригинал.

Я записала: «У адресата». Потом посмотрела на пустую подложку, которую Мила оставила рядом с журналом.

Я убрала её в сортировочную, к стопке свободных листов.

Марк расписался, затем заверил запись маршрутной печатью рядом с номером отправления. Я проверила номер, дождалась, пока высохнет строка, и только после этого закрыла тетрадь.

Соседняя машинка не стучала.

* * *

Когда вернули рукоять, шкаф стал выглядеть законченным.

Сам по себе этот факт мне не понравился. Внутри оставались трубки, которые я пока путала, и ленты, к которым нельзя было прикасаться голыми руками. Раньше хотя бы снаружи было видно, что туда лучше не лезть.

Марк сверил номер допуска с выпиской, которую принёс из инспекции. Я расписалась в возврате детали. Он установил рукоять, но прежде чем повернуть, заставил меня показать заслонку и запор приёмной линии.

Со второй попытки я показала правильно.

— А если перепутаю при работе?

— До самостоятельной отправки будем тренироваться. Разрешение работать не означает, что вы уже умеете всё.

Я кивнула на закрытый журнал.

— Одно письмо умею.

— Одно — умеете.

Марк открыл линию и провёл служебную пробу с контрольной карточкой инспекции. Положил её под стекло, закрепил у края, дал мне самой проверить, свободен ли лоток.

Карточка исчезла без хлопка. Я всё равно моргнула.

Мы ждали, пока на закреплённой снаружи полоске появится ответ проверочного узла. Когда проступили две тёмные черты, Марк показал мне их в инструкции. Обе означали, что связь установлена; к доставке частных писем эта проба не относилась.

После проверки он снова закрыл приёмный запор. Рукоять осталась на месте.

— Сегодня без меня не открывайте. Завтра продолжим обучение.

Я записала в тетради рядом со списком упражнений, какую часть не трогать. Рабочую страницу с вручением оставила отдельно.

Марк проверил ещё одну трубку, убрал контрольные принадлежности и долго оттирал пальцем белую полосу у края футляра. Я взяла тряпку, намочила угол и протянула ему.

— Это краска, — сказал он. — Не отмоется.

— Тогда перестаньте тереть.

Он посмотрел на свой палец и отпустил крышку.

Я оставила тряпку у раковины. За стеной по-прежнему было тихо.

Мне хотелось сходить за хлебом. Подвинуть стул. Спросить Марка, понадобится ли Миле пакет побольше. Любое занятие было бы лучше, чем ходить от прилавка к окну и каждый раз смотреть на соседнюю дверь.

Я взяла пачку чистых листов и вернулась в сортировочную.

На одном конверте из намокшей пачки засохла бурая кромка. Я начала подбирать к нему подложку. Слишком большую отложила, взяла следующую. Оказалось, что я держу ту же самую.

Марк появился в дверях.

— Я в инспекцию. Вернусь после двух, если у вас будет время на журнал.

— Будет.

Он постоял ещё немного.

— Мила знает, где вы.

Я подняла голову.

— Я не собиралась идти.

Марк кивнул.

Когда он ушёл, я переставила стул спинкой к окну и села разбирать сухие подложки.

До обеда в ателье так и не заработала машинка.

* * *

Мила пришла с кастрюлей.

Я не сразу узнала её стук: два коротких удара в косяк, потом пауза. На ней был рабочий передник. На манжете тёмного платья осталось мокрое пятно.

— Вы ели? — спросила она.

— Хлеб утром.

Мила поставила кастрюлю на прилавок. Из-под крышки пахнуло луком и чем-то густым, мясным.

— Отнесите наверх. Здесь бумаги.

Я взяла ручки через полотенце, которое она принесла вместе с кастрюлей. Мила пошла следом, но в дверях кухни задержалась.

— У Агаты здесь полка была. Справа.

Я показала ей на стену.

— Есть. Я пока не разобрала.

На полке стояли три банки, низкая чашка с отколотым краем и длинная жестяная коробка. Мила провела пальцем по её крышке.

— Тут раньше лавровый лист лежал.

В коробке действительно оказался лавровый лист. Старый, почти белый по краям.

— Отправьте его вон, — сказала Мила. — Толку уже нет.

Я выбросила содержимое, вымыла коробку и поставила сушиться. Мила тем временем нашла глубокие тарелки. К одной прилип снизу бумажный кружок; она сняла его, положила на край стола и налила мне суп.

Сама взяла вторую тарелку.

Мы некоторое время ели молча. С улицы было слышно, как кто-то затаскивает тележку на ступень: короткий скрежет, ругань, опять скрежет.

— Вы давно здесь не были? — спросила я.

— Наверху? С тех пор, как Агата заболела. Она не любила, когда я видела беспорядок.

Я посмотрела на чемодан, стоявший в проходе. Из-под крышки торчал рукав свитера.

— Я тоже не очень люблю.

Мила подтянула свою тарелку.

— У вас ещё почти ничего нет.

Она сказала это без жалости. Обычная хозяйственная констатация. Мне почему-то стало легче доесть суп.

Мила не спрашивала про допуск. Я не спрашивала про письмо. К тому времени, как кастрюля опустела наполовину, она перестала держать ложку за самый кончик.

— Там не было просьбы вернуться, — сказала она.

Я поставила ложку на край тарелки.

— Я всё время думала, будет, — продолжила Мила. — И как я ей скажу, что не вернусь. Ей уже семь лет ничего не скажешь, а я всё подбирала слова.

Я смотрела на её руки. На безымянном пальце белел след от нитки, затянутой во время шитья.

— А теперь? — спросила я.

Мила попробовала улыбнуться.

— Теперь другие подбираю.

Она отодвинула тарелку. На её дне осталась одна картофелина. Мила разломила её ложкой на несколько частей и больше не ела.

Я хотела сказать, что можно написать письмо самой. Что у меня теперь есть допуск и Марк научит, как отправлять. Потом вспомнила, кому она хотела бы ответить.

Мила сама поднялась из-за стола.

— Посидеть у вас можно немного?

— Можно.

— Просто посидеть. Я не буду рассказывать.

Я кивнула и подвинула ей стул подальше от прохода. Она не села: подошла к окну, положила ладонь на раму.

Я собрала посуду. Вода в тазу быстро стала жирной; пришлось сменить её. Пока я вытирала тарелки, Мила стояла спиной ко мне.

Один раз я услышала, как она втянула воздух, и уронила полотенце в воду.

Достала, отжала. Развесила на спинке стула.

Внизу позвонили.

Я подождала секунду, но Мила не повернулась.

— Я спущусь, — сказала я. — Побудьте здесь.

Она кивнула, не отнимая руки от рамы.

На пороге стоял Брен. Он собирался заказывать материалы и спросил, брать ли плитку для моей крыши.

— Пока не подтверждаю, — сказала я. — Приду сама, когда буду готова.

Брен кивнул и ушёл. Я несколько секунд смотрела ему вслед, прикидывая, сколько ещё выдержит накладка.

Я осталась у прилавка. На лестнице тихо скрипнула ступень, потом другая.

Мила спустилась сама. Глаза у неё были красные. На скуле осталась короткая светлая полоска, будто она провела там сухим пальцем.

Я отодвинула со стула пальто, но Мила покачала головой.

— Мне надо работать.

— Кастрюля наверху.

— Потом заберу.

Она взяла с прилавка забытое полотенце, посмотрела на него и опять положила. Это было другое полотенце, моё.

Я не стала ничего говорить.

* * *

Марк вернулся, когда я сидела на полу возле прилавка.

До его прихода я успела вымыть ложки, записать примерную длительность утреннего вручения и перенести сухую пачку на свободный участок стола. Теперь пыталась пристроить под прилавком временный ящик для подложек. Он входил, если подтолкнуть коленом, но обратно не вылезал.

— Поднять? — спросил Марк.

— Придержите край. Я вытащу.

Он присел рядом. Мы выдернули ящик, и мне на колени посыпалась пыль.

Внутри, за поперечной доской, нашёлся согнутый крючок. Пока Марк смотрел, можно ли его переставить, я чихнула ему почти в плечо.

— Простите.

— На здоровье.

Он сказал это так невозмутимо, что я засмеялась. С утра это оказался первый нормальный смех, после которого не нужно было сразу замолкать.

Крючок сняли. Ящик встал на место.

Марк поднялся раньше меня и протянул руку. Я вложила пальцы в его ладонь, встала и обнаружила, что он держит крепче, чем требовалось для такого лёгкого дела.

Или я не сразу разжала руку.

С лестницы потянуло супом. Я вспомнила, что не закрыла кастрюлю.

— Вы ели? — спросила я.

Марк отпустил мои пальцы.

— Да. Спасибо.

Я кивнула и зачем-то вытерла чистую ладонь о юбку.

Мы раскрыли журнал. Марк попросил меня самой прочесть сегодняшнюю запись и показать, где отмечено, что старый отказ изменён по просьбе Милы. Я нашла строку, назвала номер акта. Он просмотрел подписи.

— А оплата? — спросила я.

— Вы что-нибудь согласовали?

— За осмотр — рукав. За то, чтобы отдать, нет.

— Тогда не придумывайте цену задним числом. Это выдача старого отправления. Отдельный платный заказ вы не принимали.

Я вписала, что денег не получала, и посмотрела на время у подписи. Само вручение заняло несколько минут. Всё, что к нему привело, — четыре дня и восемь чужих лет.

— На этом всё? — спросила я.

Марк посмотрел на пустое место ниже.

— Для этой записи — всё.

Я закрыла тетрадь.

Колокольчик прозвенел, когда мы убирали бумаги.

Мила стояла на пороге с длинным чехлом из выцветшей ткани. Она дождалась, пока я освобожу прилавок, развернула завязки и вынула большие портновские ножницы.

На одном кольце кожа потемнела почти до чёрного. Лезвия были чистые. Мила несколько раз свела их и раздвинула, прислушиваясь к звуку.

— Мамины, — сказала она, заметив мой взгляд. — Семь лет лежат. Я маленькими крою, у них концы уже гуляют.

— Эти нужно править? — спросила я.

Мила покачала головой.

— Масла капнуть на винт. Всё собиралась отнести, чтобы продали.

Она завернула ножницы обратно, но чехол завязывать не стала.

— У вас сумки есть? Для писем.

Я показала на подложки под прилавком.

— Пока только коробки.

— Я могу сшить. Две. Одна побольше, другая через плечо. Ткань есть, ремень сниму со старой заготовки. Внутри жёсткую вкладку сделаю, чтобы конверты не гнулись.

Она говорила быстрее, чем утром. Когда дошла до застёжки, даже показала пальцами, как должна перекрываться крышка.

Я достала чистый лист.

— Сколько будет стоить?

Мила назвала тридцать шесть крон за обе. Я записала сумму. В кошельке для дела ничего не было. Счёт трогать не хотелось.

— Можно не деньгами, — сказала она. — Мне иногда образцы клиентам передать нужно. В конвертах, с запиской. По городу. Мальчик, который носил, теперь в подмастерьях у сапожника.

Марк подошёл к стулу за своим пальто. Не вмешивался, но уходить не торопился.

— Я через узел ещё не умею сама, — предупредила я.

— По этим адресам пешком. Недалеко. Когда у вас будет время.

— Я бы сначала адреса посмотрела.

Мила достала из кармана сложенный лист. На нём были три фамилии и улицы. Одну я уже знала: за площадью, недалеко от кассы. Остальные пришлось показать Марку.

Он отметил на моём черновике повороты. Два адреса были рядом, третий — дальше, за мостом.

— За три местных вручения, — сказала я после паузы. — По двенадцать. Дальние отдельно. Если понадобится почта или материалы, это тоже отдельно, сначала договоримся. И получатели должны согласиться.

Мила кивнула.

— Я им напишу. Они образцы сами просят.

— Только сначала закончу обучение учёту, — добавила я. — И дату каждой доставки согласуем. Я не обещаю все три завтра.

— Мне все три завтра и не нужны. Пока заказчица выберет подкладку, я состарюсь.

Мы записали условия на двух листах: две сумки и три личных вручения, образцы с запиской, расходы сверх работы по отдельному согласию. Срок пошива Мила предложила через два дня; адреса и дни доставок оставили для подтверждения. Я не стала отмечать, будто уже заработала тридцать шесть крон.

Мила перечитала мой лист, забрала свой.

— Кастрюля ещё наверху? — спросила она.

— Да. Сейчас принесу.

— Потом зайду. Пока с ножницами дойду.

Она взяла чехол и ушла. Через несколько минут за стеной раздался короткий металлический щелчок. Затем другой. Машинка всё ещё молчала.

Я представила, как Мила стоит у длинного стола и пробует вести большие ножницы вдоль мела. Не знала, так ли это, но звук повторился, ровнее и длиннее.

Марк надел пальто.

— До завтра. К девяти подойдёт?

— Подойдёт.

Он посмотрел на лист у меня в руке.

— Копию себе оставили?

— Моя уже здесь.

Марк улыбнулся и вышел.

Я положила договор к журналу. Потом забрала из сортировочной пустую подложку Милы, перевернула чистой стороной вверх и вернула в стопку.

Вечером из ателье снова послышалась машинка. Она останавливалась чаще обычного. Я каждый раз ждала, продолжится ли стук, и под конец перестала считать паузы.

Глава 6. Пока горит печь

Первый заказ за деньги поместился на блюдце.

Женщина выложила передо мной четыре кусочка бумаги и прижала один пальцем, чтобы не унесло сквозняком. От её рукава пахло гвоздикой.

— Соединить можно?

Я закрыла дверь и пододвинула блюдце к свету. Бумага разошлась по старым сгибам. На краях торчали короткие светлые волокна, посередине одного кусочка виднелось жирное пятно.

— Можно посмотреть с обеих сторон?

Женщина кивнула. Я перевернула самый большой фрагмент пинцетом. Оборот был чистый.

— Сестра прислала, — сказала посетительница. — Рецепт. Я в тетрадку вложила, а он всякий раз вываливался. Сегодня совсем рассыпался.

На одном краю читалось «не жалей масла». Ниже шла цифра, которую я пока не стала разбирать.

— Вам нужно снова брать его в руки? Или сохранить и сделать копию для готовки?

Женщина задумалась.

— Копию можно самой переписать. Я бы этот оставила. У неё там внизу приписка, про меня.

Я подвела друг к другу два края. Они сошлись без утраты. Но поднимать лист за угол после ремонта всё равно не стоило.

— Я укреплю сгибы с оборота. Тонкой бумагой. Пятно останется, и линии будут видны. Хранить лучше в обложке.

— Сколько?

Я посмотрела на часы. До девяти оставалось немного.

— Двенадцать крон, с материалом.

Сумма прозвучала громче, чем я собиралась. Я уже хотела добавить «если вам подходит», но женщина сама достала из сумки маленький кошелёк.

— К вечеру успеете?

— После четырёх. Платить можно, когда заберёте.

— Рута, — сказала она. — У меня пряности у площади. Только не перепутайте кусочки: там, где «мало» написано, это не про перец.

Я засмеялась и нашла чистую бумагу для приёмной записи. Мы перечислили четыре части, отметили жирное пятно и договорились о цене. Рута посмотрела, куда я положила её листок с именем, и ушла.

На блюдце остались четыре части рецепта. Я несколько раз обошла прилавок, прежде чем сообразила, что их нужно перенести на рабочий стол.

Марк застал меня в сортировочной.

— Доброе утро. Уже заняты?

Я показала на фрагменты.

— Первый заказ. На двенадцать.

Он посмотрел на мою запись.

— Материалы есть?

Я открыла ящик. Сверху лежали мои кисти и пинцеты. Под ними — подложки, годные для просушки, но слишком плотные для укрепления сгиба. На полке Агаты нашлась банка с клеем. Внутри, на стенках, клей растрескался, а крышка присохла так, что я не смогла её повернуть.

Марк не стал помогать открывать.

— Этим бы я не пользовался.

— Я тоже.

Я поставила банку отдельно, чтобы потом не взять по привычке, и достала список покупок. Марк остался в лавке со своими служебными листами, пока я ходила в кассу и к снабженцу.

* * *

Маленький флакон маршрутных чернил стоил шестнадцать крон.

Снабженец поставил передо мной два флакона. Я показала на меньший.

— Начнём с этого.

— Большой выгоднее.

— Когда начну расходовать большой, приду за большим.

Он убрал его с прилавка и завернул маленький в бумагу. Ещё две кроны ушли на тонкую ремонтную бумагу и две на крахмал для клея. Я попросила счёт, перечитала его и сложила вчетверо. Двадцать крон, которые утром сняла со счёта, ушли целиком.

Я спрятала свёрток так, чтобы флакон стоял, а не катался по сумке.

Когда я вернулась, Марк сидел у окна и читал свои служебные листы. Он поднял глаза, но ничего не спросил о цене. Я сама положила счёт рядом с журналом.

— На крыше и платеже теперь остановлюсь ровно в ноль, — сказала я.

Он проверил сумму.

— Если больше ничего не потратите.

— Прекрасное условие для жизни.

Я сняла пальто. Свёрток с чернилами оставила на прилавке, бумагу и крахмал отнесла в сортировочную. Сначала нужно было сделать клей, чтобы он успел остыть. Я нашла маленькую чистую кастрюльку, отмерила крахмал, добавила воду и поставила на плиту.

Мила вчера всё-таки забрала свою кастрюлю. На освободившемся месте теперь лежала моя записка: «Не для еды».

Пока клей остывал, Марк положил на прилавок учебную карточку. В углу стояло крупное «ПРОБА». Поперёк круглой маршрутной метки шёл узкий разрыв.

— Сначала без чернил, — сказал он.

Я наклонилась. Две половины круга немного разошлись, и нижняя линия на первый взгляд не продолжала верхнюю.

— Здесь край перекосило.

Марк кивнул и протянул лист с целым образцом той же метки.

— Сверьте.

Я подвела под карточку гладкую подложку, пинцетом расправила загнутый участок. Линии сошлись. В разрыве всё ещё оставалась тонкая светлая щель.

— Теперь? — спросила я.

— Закрепите бумагу. Чернила не удержат края вместо вас.

Я посмотрела на него.

— Вы это уже говорили кому-то, кто пытался?

— Да.

— Один раз?

Марк отвёл взгляд к окну.

— Не один.

Я выбрала узкую полоску ремонтной бумаги. Пока работала с оборотом, он придерживал карточку за сухие края. Я успела забыть, что это урок: такой сгиб я укрепляла много раз, просто раньше никто не ждал, пока он снова начнёт переносить вещи.

Закончив, я положила карточку сушиться под лёгкий груз с прокладкой и вернулась к рецепту Руты.

Фрагменты сходились. Ни одной буквы придумывать не понадобилось. Я зарисовала расположение, закрыла лицо листа свободной подложкой и укрепила оборот. Жирное пятно оставила в покое.

Марк принёс из лавки свои бумаги и сел за дальний край стола. Не смотрел через плечо, только однажды молча подвинул лампу, когда я потянулась за ней мокрой кистью.

— Я бы не уронила, — сказала я.

— Уже не уроните.

Я подняла на него глаза. Он читал, держа лист близко к свету; по щеке скользнула тень от моих пальцев. Я отвела руку, но он успел посмотреть на меня поверх бумаги.

В маленькой комнате стало очень слышно, как остывает плита наверху.

Я вернулась к сгибу.

Когда обе работы просохли достаточно для осмотра, рецепт убрала отдельно, а учебную карточку положила на чистое место в лавке. Марк ещё раз сверил линии с образцом и подвинул ко мне флакон.

Под крышкой пахло железом. Сами чернила оказались синими, почти чёрными. На кисти они держались густой каплей.

— Меньше, — сказал Марк.

Я сняла лишнее о край.

— Ещё.

На ворсе почти ничего не осталось.

— С этого хватит. Только соединение старых линий. Не обводите весь круг.

Я коснулась бумаги. Чернила потянулись вдоль края, будто под ним проходила тонкая канавка. Кисть неожиданно дёрнулась вправо.

Я удержала её сильнее. На месте щели выросло тёмное пятно.

— Уберите руку, — сказал Марк.

Я подняла кисть.

Пятно расползлось ещё немного и остановилось.

— Испортила?

— Эту попытку — да. Узор теперь не сверить. Возьмём другую карточку.

Он накрыл пятно чистой промокательной полоской, не растирая.

Мне было так досадно, что захотелось немедленно повторить. Марк закрыл чернила.

— Сначала покажите, где закончилась старая линия.

Я указала на целый образец. Он попросил показать на карточке. Там под пятном уже ничего не было видно.

Я положила кисть.

— Я хотела остановить каплю.

— Она пойдёт по сохранившемуся следу. Вы держите кисть, а не тащите её обратно. Если потеряли место соединения, сразу снимайте.

На второй карточке пришлось начинать с бумаги. Я расправила край, укрепила разрыв, дождалась просушки. Марк не предлагал закончить вместо меня.

Потом я взяла совсем немного чернил и попробовала снова.

Синий след прошёл через щель и стал тоньше. В том месте, где я ждала рывка, кисть лишь чуть повернулась между пальцами. Я позволила ей повернуться и подняла.

Круг остался кругом. Край бумаги не потемнел.

Марк придвинул образец и долго сравнивал их под лупой.

— Эту проверим.

Он сверил учебный номер, открыл запор и дал мне самой положить карточку в лоток. Я убрала руки, а рукоять повернул он.

Когда на контрольной полоске появились две черты, я выдохнула так шумно, что Марк поднял голову.

— Руки помойте, — сказал он.

Я посмотрела на свои пальцы. На среднем расплылось маленькое синее пятно.

— Это тоже не отмоется?

— Это отмоется.

Я пошла к раковине. За спиной щёлкнул закрываемый запор. Вода была холодная, чернила уходили не сразу, но я тёрла палец и улыбалась.

* * *

Савелий пришёл после полудня, пока мы убирали учебные листы.

Вначале я увидела его руки. Широкие, с коротко обрезанными ногтями и въевшейся в трещины светлой глиной. Он снял шапку, пригладил волосы и так и остался стоять между дверью и прилавком.

— Агата мне говорила, здесь с бумагами умеют.

— Я реставратор, — сказала я. — Надя.

— Савелий. Гончар.

Он положил передо мной плоский свёрток в промасленной ткани. Развернул, извлёк жёсткую книжную обложку, а уже из неё достал сложенный лист.

— Это можно прочесть?

Я расчистила место.

Квитанция была старая. Сверху читалось название конторы общей печи, ниже — сумма, фамилия и широкая печать. Поперёк сгиба бумага истончилась до прозрачности. Савелий придерживал её двумя пальцами.

— Пока не расправляйте, — попросила я.

Он сразу убрал руки.

— Это мой пай, — сказал он. — Я платил. Потом меня из списка убрали. Будто согласился.

Марк подошёл ближе, но квитанцию не тронул.

— Из какого списка?

— Кто к общей печи допускается. У нас своя очередь была. День назначен, дрова общие, каждый платит свою часть. Я посуду делал, брат изразцы. Мой пай здесь, его отдельный.

Савелий показал на сумму, не касаясь бумаги.

— После братовой смерти его долю разбирали. А вместе с его долей и мою убрали. Я говорил, что ошибка. Мне сказали: уведомление прислали, возражений нет. Значит, согласен.

— Вы его получали? — спросила я.

— Нет.

Марк придвинул стул.

Савелий сел, положив шапку на колени. Только теперь я заметила у него на лбу белый след: он, видимо, провёл там рабочей рукой.

— Когда это было? — спросил Марк.

— Больше десяти лет назад. Я тогда ещё к Левану ушёл, в его мастерскую. У него своя печь, я за место платил работой. Думал, ненадолго.

Он расправил край шапки и снова смял.

— А теперь у Левана печь треснула. Он её разбирать собрался, говорит, не потянет новую. Дом продаёт.

Я посмотрела на квитанцию. Деньги, давно внесённые за право, которым человек столько лет не пользовался. Сумма на листе была меньше, чем моя крыша.

— Вы обращались в контору? — спросил Марк.

— Сейчас — да. Там всё то же. В списке меня нет, в старом решении стоит «уведомлён». Я им этот лист показал. Сказали, оплата не доказывает, что я потом от пая не отказался.

Савелий положил шапку на свободный край прилавка и повернулся ко мне.

— Может, вы мне его восстановите, чтобы было видно?

Я подвела под сгиб тонкую подложку, остановилась там, где бумага начала сопротивляться.

— Сумму уже видно, — сказала я. — И ваше имя. Я могу укрепить лист. Но новой записи о вашем согласии или несогласии здесь от этого не появится.

— Вы думаете, я отказался?

— Я так не думаю. Я не могу дописать за контору то, чего на бумаге нет.

Савелий убрал шапку с прилавка, хотя она ничему не мешала.

Марк присел на край соседнего стула.

— В решении есть номер уведомления?

— В выписке есть. С собой не взял. Дома она.

— Принесите. И даты из неё. Если отправление вернулось сюда, искать будем по ним.

Савелий посмотрел на дверь сортировочной.

— Здесь может быть моё письмо?

— Возможно, — ответил Марк. — У Агаты хранились возвраты. Нужно сверять. Пока мы не знаем.

— А потом меня пустят?

Я посмотрела на Марка. Он не поспешил ответить.

— Проверим, что случилось с уведомлением, — сказал он. — Кто и как пересмотрит решение о пае, придётся выяснять отдельно.

Савелий долго молчал. Я ждала, что он завернёт квитанцию обратно.

— Тогда начните с этого, — сказал он наконец.

Я достала лист приёма.

— Первичный осмотр квитанции — шесть крон. Без размывания печати, без попытки отмыть сгиб. Что можно прочесть и какое укрепление понадобится. Если дальше нужны будут материалы или поиск с восстановлением отметок, отдельно договоримся. Результат осмотра покажу завтра после полудня.

— Если письмо не найдётся, тоже шесть?

— За осмотр этого листа. Поиск письма — другая работа. Я не хочу смешивать их.

Савелий поднял глаза. Я уже начала думать, что нужно было сначала предложить всё бесплатно.

Он кивнул.

— Хорошо. Завтра занесу выписку. Как раз из мастерской пойду.

Мы записали состояние квитанции, цену и срок, отметили, что оплаты ещё нет. Савелий оставил оригинал, а я выдала ему приёмный лист и сложила квитанцию в защитную папку между жёсткими подложками. На папке написала его имя.

Он не ушёл сразу.

— Вы только не поворачивайте её к огню. Мне однажды так советовали, чтобы чернила проступили.

— Не буду.

Савелий надел шапку, потом снял: в дверях чуть не столкнулся с Рутой.

Он пропустил её, кивнул и вышел.

* * *

После четырёх Рута принесла двенадцать крон мелочью и пакетик тмина.

— Это вам, — сказала она, поставив пакет рядом со счётом. — Чтобы не думали, будто я только пряниками умею пахнуть.

Я подала ей рецепт на подложке. Бумага успела высохнуть; соединения держались ровно, жирное пятно осталось на прежнем месте. Рута осторожно перевернула лист, провела пальцем рядом с укреплённым сгибом.

— Самой разворачивать можно?

— Можно. Но за оба края, поддерживая снизу. И у плиты не держите.

Я показала на одном движении. Рута повторила, потом засмеялась, читая нижнюю строчку.

— Вот она. «Если опять положишь изюм, даже не пиши, что по моему рецепту».

Она смотрела на почерк сестры так, будто та стояла тут же и мешала ей спокойно печь хлеб.

Я сложила для рецепта простую обложку. Рута расписалась, пересчитала монеты ещё раз и пододвинула их ко мне.

— Теперь могу в тетрадку положить.

— Лучше рядом. В отдельную папку.

— Как скажете. А сестре напишу, что она мне теперь дороже обходится.

Пакетик тмина остался у меня.

Я проводила Руту и вернулась к прилавку. Двенадцать крон лежали небольшим неровным столбиком. Два раза я пересчитала их без всякой необходимости.

Марк принёс из сортировочной папку Савелия.

— Закончили с первым заказом?

— Да.

— Тогда уберём его с рабочего места.

Я посмотрела на него.

— Вы всегда так празднуете?

Марк остановился с папкой в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.